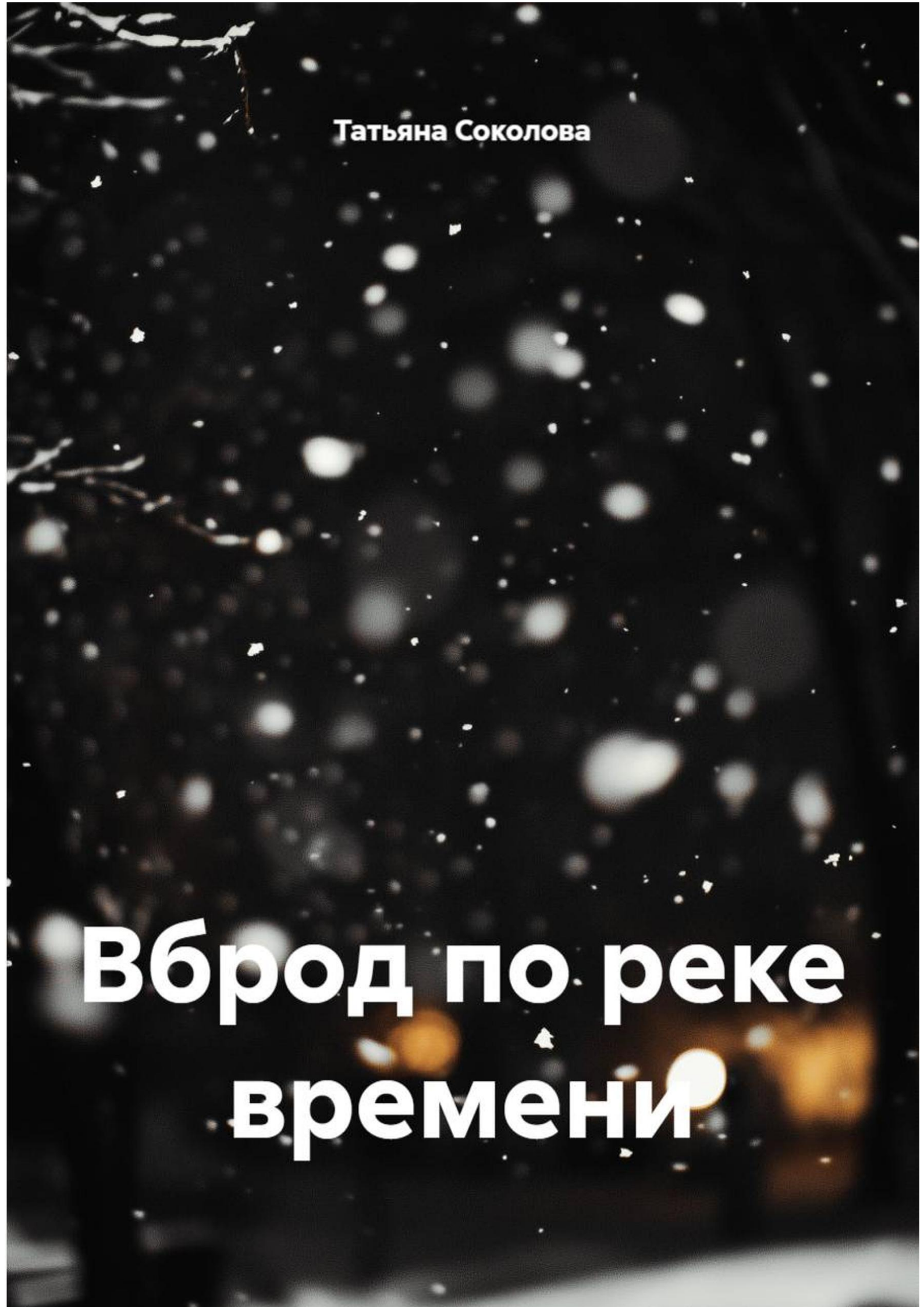

Татяна Соколова

Вброд по реке времени

Татяна Соколова

Вброд по реке времени

«Автор»

2026

Соколова Т. Н.

Вброд по реке времени / Т. Н. Соколова — «Автор», 2026

Повесть о девяностых, о простых людях, которые пытаются приспособиться к рыночной экономике и еще не понимают, что они уже никогда не будут прежними. Трудно всем, но если у тебя семья и ты ученый-палеонтолог, как героиня повести, которая постоянно теряет работу, но продолжает искать гармонию в изменившемся мире, то трудно не сломаться. Но все-таки, главный герой – это само время, которое постоянно бросает вызов и заставляет делать выбор. Как выстоять и сохранить себя, когда кругом – ваучеры и челноки, гиперинфляция и обнищание? А вместо привычного уклада жизни – крыши, братва, стрелки и беспредел. И как гром среди ясного неба дефолт.

© Соколова Т. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	7
Вход с черного хода	7
Красный Ягуар	12
Невезение Асиного мужа	16
Кто кладет деньги в сейф?	19
Фриш	22
Неожиданный поворот	26
Работа затягивает	30
Вид из окна	33
Волохов, нефть и галоши	37
Надо брать муку	39
Сделка	43
Надежда на перемены	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татьяна Соколова

Вброд по реке времени

Вброд по реке времени

Оглавление

Часть первая

Вход с черного хода

Красный Ягуар

Невезение Асиного мужа

Кто кладет деньги в сейф?

Фриш

Неожиданный поворот

Работа затягивает

Вид из окна

Волохов, нефть и галоши

Надо брать муку

Сделка

Надежда на перемены

Рынок

А ключ был у Людмилы

Странный ход гроссмейстера

Канун нового года

Часть вторая

Страна далекая и близкая

Хитрая Людмила

Подозрительная монголка

Тайны Волохова

Черный Полковник

Кто виноват?

Совещание в доме соперницы

В логове полковника

Дают гарантии

Хочется выстрелить

Волохов исчез

Полный паноптикум

Бандитский Петербург

Деньги портят людей

И ты, Вадик

Часть третья

Индия испытывает

Надежда умирает

Пекарня

Любовный треугольник

Внезапный гость

С иллюзиями надо расставаться

А кто украл проект? - лето

Потеря

Доктор Айболит
Барселона
Возвращение
Фриш подводит итоги
И все-таки Волохов
Смотрины
Мобильных телефонов тогда не было
Странный попутчик
Таллин
Новое слово «дефолт»
Все возвращается на круги своя
Встреча с Хоменко
Волохов в больнице
В церкви
Будь что будет

*Февраль. Метель. И этот день.
Идем, лед хрупок под ногами.
На сером небе злая тень,
И грязь, и снег под сапогами.*

*Плывет толпа, как снежный ком,
Все перепутано судьбою.
И колокол звонит, по ком?
Не знаю, все покрыто мглой.*

*Как встанут звезды в этот год
Там, где свершаются события,
Где знают каждому черед,
Что в неизвестности таиться?
(стихи автора)*

Часть первая

Вход с черного хода

Пока они ехали в машине, Ася всю дорогу молчала, откинувшись на сиденье. За окном мелькал город, окутанный ранними ноябрьскими сумерками. Уже выпал снег и растаял; в центре он превратился в коричневую кашу, которая разбрызгивалась из-под колес автобусов на ветровое стекло. Когда густые плевки с мостовой застилали на миг обзор, Сергей бормотал про себя невнятные ругательства, но тут же успокаивался и пытался подбодрить свою спутницу.

– Что ты нос повесила? Лева сам мне сказал, что возьмет тебя на работу.

– Возьмет и даже, может, зарплату платить будет, – с грустной усмешкой отвечала Ася.

Она уже ни во что не верила. Найти работу, на которой платили бы каждый месяц, было почти невозможно. Шел 1995 год, а обещанное благополучие все не наступало, наоборот – все, что еще держалось на плаву, рушилось с ускорением, люди теряли работу, а шахтеры уже который год «сидели на рельсах».

Проехав по Мойке в сторону Капеллы, Сергей остановился и припарковал свои «Жигули» между двух старых иномарок. Они вышли из машины, огляделись и быстро нашли нужный номер дома. Этот дом резко отличался от своих мрачноватых соседей свежим желто-белым нарядом, как и положено старому петербургскому стилю. «Стали ремонтировать старинные дома, – отметила про себя Ася, – значит, есть спрос, богатые люди покупают в них квартиры».

Вход оказался со двора, который пока еще сохранял следы неряшества. С трудом найдя нужный подъезд, они стали подниматься по узкой лестнице. Это без сомнения была черная лестница огромной коммуналки, разделенной при капитальном ремонте на две части. По старым щербатым ступеням они добрались до четвертого этажа и остановились у массивной пуленепробиваемой двери. Позвонили. Послышался шум последовательного отпираания врезанных в толстую стальную раму замков, и в проеме появился приветливый мужчина небольшого роста с заметным брюшком. Это и был давний знакомый Асиного мужа – Лев Сергеевич Хоменко, ныне директор инвестиционного фонда. Увидев гостей, он закудаhtал:

– Здрасьте-здрасьте, сколько лет, сколько зим, очень-очень рад.

– Мы тоже рады, – вежливо улыбнулась Ася.

В просторной прихожей она немного задержалась перед зеркалом, разглядывая краем глаза удаляющегося хозяина конторы. За последние пару лет Лева почти не изменился, только теперь он был не в расхлябанной одежде, как в доме Рысовых, где она его встретила в первый раз, а выглядел подтянуто, по-деловому. На нем была дорогая рубашка, совсем новая, и подогнанные по коренастой фигуре темные брюки. В его облике было что-то такое, что отличает успешных людей от толпы, что свойственно счастливицам, которые нашли свою нишу и довольны жизнью; такие не тянут лямку, а творят.

Инвестиционная компания занимала просторную квартиру, в которой мог бы жить солидный по тем временам коммерсант или даже банкир. Из прихожей Ася вошла в просторный холл, где у высокого окна с блестящими латунными шпингалетами стояло двухметровое оливковое дерево в кадке. Под деревом за компьютерным столом примостился сухопарый молодой мужчина, который, вздыхая и ерзая в кресле, барабанил по клавиатуре двумя пальцами. Окно холла, как и окна соседних кабинетов, выходило на набережную Мойки. В проеме между зданием Главного Штаба и домом Аракчеева была видна Дворцовая площадь, а вдали открывалась перспектива на мост и другой берег Невы.

За последние годы Ася истоптала пороги не одного десятка фирм и не раз видела приличные интерьеры. Но здесь был дизайнерский стиль во всем: и в отделке потолочных карнизов, и в тщательном подборе мебели, и даже вазы на полках были особенными.

В директорском кабинете они уселись в мягкие кожаные кресла по разные стороны длинного стола. Лева сел в центре и, не вдаваясь в подробности, что за фирма и чем она занимается, стал рассказывать о сногшибательных перспективах, которые он не только прогнозировал, но и почти осязал в виде тяжелых чемоданов с наличностью. В высоком кресле он напоминал этакое царька на троне, которому слуга забыл подставить скамеечку под свисающие ноги. Облокотившись на стол, он визуализировал будущее, которое волею судеб и, конечно, не без покровительства нужных людей грядет для его конторы, именуемой «Эко-Про». Понятное дело: промышленность и экология, желательно в масштабах города – Лев Сергеевич не любил мелочиться.

– Но главное не наличность, главное – это коллектив и идея, – говорил он, и его рыжевато-серые глаза поблескивали огоньками.

«Конечно, идея», – думала Ася, представляя работу в таком замечательном месте. Понятно, что чемоданы с наличностью – это фигура речи, но здесь определенно витал дух успеха. Он прав, инвесторы хлынули со всего мира, да и где, как не в России, сейчас делать деньги! Кто бы сомневался, шанс есть, еще какой шанс! У Рысева ведь производство развивается, хотя он неординарный, мягко выражаясь, а если не мягко – то просто неадекватный. Хотя и талантливый.

– Да что там Рысев, – словно перехватив Асины мысли, продолжал Лев Сергеевич, – это мелкое производство. Хотя я ему тоже помогаю. У меня настоящие проекты, полно проектов, и от инвесторов отбоя нет. А главное дело – это поддержка, – он сощурился, как смотрящий вперед, которому внезапно открылся светлый путь. – Поддержка решает все! Кто без поддержки, тот не пройдет. Вот так!

Сережа кивал и соглашался, и было видно, что он гордится таким знакомством. Да он и сам был бы не прочь поступить на работу к Леве, но инженеры по внедрению пока не требовались.

– Придет наше время, не за горами! – размахивал руками Лев Сергеевич с энтузиазмом. – У меня стоит очередь из немцев, а я сейчас смотрю на американцев, сравниваю. Деньги польются рекой. И самое трудное – это оставаться людьми, не перессориться, когда завалимся деньгами. Деньги людей портят. Вот чего я боюсь больше всего, – вздохнул он, прищулив один глаз и навалившись грудью на стол, чтобы приблизиться к слушателям.

В кабинет постучали, и вошел мужчина лет сорока в приличном, но явно поношенном костюме. Он оглядел окружающих бегающими глазками и, подойдя ближе, шепотом обратился к своему начальнику.

– Это господин Приветов, Аркадий Тимофеевич, – представил его начальник, – вот ему мы назначим оклад тысяч пять-шесть долларов, иначе, зачем столько трудиться.

Господин Приветов застенчиво улыбнулся, быстро решил свой вопрос и, пятясь, удалился.

Надо отметить, что в девяностые в широких слоях общества очень быстро вошли в оборот вежливые обращения «господин» и «госпожа», но, к великому сожалению, так и не прижились.

Сергей уставился на Асю, подчеркивая взглядом уровень предприятия. Знакомство с Левой его возвышало в собственных глазах. Лева – это уровень. Ася исподлобья покосилась на мужа, на худой конец ее устроило бы и пятьсот долларов, но каждый месяц и без задержек. Сергей стал собираться, а Лева, проводив Сергея, пошел представлять Асю сотрудникам.

В самом просторном кабинете за столом сидел Приветов и строчил пером с большой скоростью. Готовые для печати документы он складывал стопками по всей длине стола.

– Это все проекты, Аркадий Тимофеевич не успевает обрабатывать материал; весь город несет к нам свои надежды, – говорил Хоменко с выражением, – у нас тут такие люди! И институты, и военка – уникальные специалисты. Нас поддерживает правительство! – он закончил свою речь на полном крещендо.

Далее, уже в полголоса, следовали намеки и полунамеки на известных людей, которые готовы были оказать поддержку. И совсем скоро настанет время, когда Аркадий Тимофеевич будет распределять деньги на разные программы. Приветов соглашался и скромно опускал глаза, когда речь заходила о финансах. Леву он называл по имени и отчеству и, видно было, очень уважал.

В другой комнате за столом сидел мужчина невысокого роста с добродушным лицом.

– Вадим Котов, – представил его Хоменко, – крупный специалист по открыванию дверей в кабинеты нужных людей.

Когда Ася слевой вошли, крупный специалист с мягкими чертами лица и искренним открытым взглядом изучал только что распечатанный проект; проверял, компоновал экземпляры, а рядом со скучным видом стоял сухопарый Гриша Злобин, который трудился на компьютере под сенью оливкового дерева, загоняя приветовские рукописи в требуемый формат.

– Документы надо представлять по форме, – говорил Лев Сергеевич с видом знатока бюрократической стороны дела. – Вот, будешь им помогать. Сроки жмут. Надо спешить. Я каждую неделю езжу на совет в областное правительство, нас там ждут с проектами. Уже дают гарантии!

На этом месте его вдохновенный монолог прервался; в директорском кабинете зазвонил телефон, и Лев Сергеевич, взглянув на часы, встрепенулся – очень важный разговор.

Ася осталась одна, и тотчас мужчины окружили ее вниманием и пригласили на кухню пить чай с печеньем. Три пары любопытных глаз, уставились на Асю, и ненавязчиво посыпались вопросы на тему образования и жизненного опыта, пока, наконец, Приветов не разрешил ситуацию.

– Я полагаю, Лев Сергеевич посадит вас за компьютер оформлять проекты. У нас это дело как-то вяло идет, – он взглянул на Гришу Злобина с извинением. – А вы, я слышал, иностранные языки знаете и с компьютером ладите неплохо.

Домой Ася шла не спеша, размышляла об удивительной конторе Хоменко, в которую попасть можно было только с черной лестницы, как будто ее нарочно спрятали от назойливых глаз в грязном дворе с безобразными помойками, и, кстати, номера на двери квартиры не было. Но это все неважно. Главное – работа. Это подарок, посланный с Неба за все перипетии последних лет, за страхи и отчаяния, которые сыпались с того же Неба то снегопадами, то дождями.

На этот раз ей обязательно должно повезти, думала Ася. Сколько уже пройдено за последние годы! Закроешь глаза, и громоздятся в голове какие-то кооперативы, коммерческие центры, товарищества с разной ответственностью или вовсе без нее, а еще сделки и «крыши». Неужели ей, образованной и трудолюбивой женщине, не улыбнется удача?

Когда в стране случился коллапс, Ася работала в палеонтологическом отделе одного академического института, который некоторое время не попадал в поле зрения людей сверху. Зато потом, когда очередь дошла до этого НИИ, сокращения начались именно с Асиного отдела. Кого могло интересовать определение возраста горных пород по ископаемым окаменелостям, если даже геологические исследования вычеркнули из бюджета. Знающие люди говорили: «Наразведывали столько, что за тридцать лет не продать», – в заграницу, конечно.

Оставшись без зарплаты, народ стал коллективно увольняться. На бесплатную работу исправно ходили только непотопляемые интеллигенты старого поколения, чтобы скрыться в пропавших пылью, но дорогих сердцу кабинетах от незримой вражеской силы, которая, как разбушевавшаяся стихия, рушила все на своем пути во имя чего-то нового – еще толком не

родившегося и поэтому малопонятного. «Главное – вовремя покинуть тонущий корабль», – говорила себе Ася. Но в мыслях она еще долго будет возвращаться назад и с замиранием сердца вспоминать свои маленькие открытия в науке и людей, с которыми работала.

Уволиться не проблема, а куда идти? И она решила записаться на бухгалтерские курсы. Но не в ларьке же торговать! Профессия бухгалтера за последние годы стала просто нарасхват. У каждой станции метро, как опять на старом пне, плодились торговые точки, не говоря уже о набирающих силу кооперативах, где тоже не хватало счетоводов. В новой жизни постоянно надо было учитывать и отчитываться, приспосабливаясь к постоянно меняющемуся по части налогов законодательству. Никакой симпатии к бухгалтерии Ася не испытывала, а ее образования, полученного на скорую руку за три месяца, хватало ровно на то, чтобы сводить дебет с кредитом в ларьках и небольших кооперативах. Эта занудная и кропотливая работа отнимала уйму времени, но существенных доходов не приносила.

Поэтому Ася обрадовалось, когда удалось устроиться на постоянку в торговый кооператив, но пока она пыталась выяснить, чем именно они там торговали, этот кооператив развалился с треском и большим скандалом. Не уставая каждый день пролистывать газеты с объявлениями о вакансиях, она все-таки нашла себе работу помощника директора в небольшом совместном предприятии. Это СП занималось импортом и процветало, но директор любил повторять: «Кто не рискует, тот не пьет шампанское». И однажды он рискнул в последний раз – и исчез. Тогда исчезали многие и совсем необязательно находились потом за границей.

В тот день, когда пропал директор, все перевернулось. В кабинете рыдала секретарша, она рассказала, что ночью на улице была перестрелка с какой-то группировкой.

– Они хотели отнять «крышу» у наших, – всхлипывала девушка, – двое охранников убиты, а один в больнице. Шеф пропал. Его наверняка уу-би-ли, – голосила она навзрыд.

Опять все рухнуло, как в бездну кануло: и приличная зарплата, и люди, к которым Ася успела привыкнуть за два года. Как будто на каком-то полустанке ее высадили из купейного вагона и затолкали в грязную теплушку. Потом она слышала о том, как делили уже обезглавленную фирму, и опять были жертвы с обеих сторон. И ведь кто-то организовывал эти войны, собирал целые армии мальчишек и натравливал их друг на друга. И мальчишки воевали по-настоящему – и гибли тоже по-настоящему

Дома ждал Сергей. После встречи со своим старым приятелем Левого Хоменко он позволил себе «по рюмочке». На плите стояла огромная сковорода картошки, и по всем комнатам распространялся приятный запах рыночного сала.

– Я всего год не видел Леву, – вещал Сергей с набитым ртом, – и такие перемены! Теперь ведь не поймешь, кто пан, а кто пропал. Нет, не ожидал, что он так поднимется.

Леву Хоменко Сергей знал еще со старых времен, а Ася всего лишь пару раз видела его в гостях у физика Рысева, куда они с мужем иногда заглядывали. Семья Рысовых была для Аси не чужой – их отцы работали на одной кафедре и когда-то были очень дружны. Да и сам Артем Рысев был талантливым и неординарным человеком.

Первая встреча с Хоменко случилась, когда Сергей и Лева еще работали в производственной фирме Рысева, а вторая, немногим более года назад, – когда Лева уже уволился, всерьез увлекся Индией и проводил там большую часть времени. В один из его приездов Рысевы устроили ужин и пригласили Сергея с Асей специально «на Леву».

Когда появился Хоменко, все уже час как сидели за столом. Сняв балахонистую кожаную куртку, он ступил в гостиную, сложив ладони домиком, чтобы поприветствовать собравшихся поклоном «намасте». В комнате повис легкий шлейф индийских благовоний и необычное для беспокойного времени умиротворение. Он был немного смущен всеобщим вниманием, шутил по поводу пира во время чумы, но ел с аппетитом.

Хотелось спросить, как это он из нормального мужика внезапно превратился в йога, но все сразу почувствовали невидимую черту и догадались, что за этой чертой авторитет Хоменко очень высок. Держался он просто, рассказывал, что индусы сохранили сакральное знание и веру, что у них в чести бескорыстная помощь, и они умеют управлять своей психикой, а главное – своими желаниями. Сложив руки в «намасте» и обращая глаза к небу, он благодарил своих индийских братьев за то, что они помогли ему обрести душевное здоровье и, конечно, физическое, утраченное за долгую и несправедливую жизнь без веры. Внимая удивительным историям, которые могли случиться только в Индии, гости перестали наливать и ковырять вилками. Чувствовалось, что Лева постиг какую-то тайную премудрость, и она не только придавала ему веса, но и могла принести выгоду в непростой экономической ситуации.

Сережа говорил, что и раньше, в советское время, на предприятии, где они работали с Левой Хоменко, люди тянулись к нему. Хоменко никогда не выходил из себя, решал все вопросы без крика и мата – легко и с юмором, как будто видел дальше других и был выше мелочной суеты.

– Интересно, – задумчиво говорил Сергей, наливая себе очередную рюмашку, – каким это образом Лева умудрился отхватить помещение в центре города, да еще в таком месте. Он, конечно, всегда был на виду, работая главным инженером, и знал многих влиятельных людей, но деньги на него вроде не сыпались.

«Все это неважно, неважно, неважно», – думала про себя Ася. Главное, что она, наконец, нашла свое место. Судьбоносная встреча. Но на переломах и сама судьба сбивается с пути – ее повороты непредсказуемы, нелогичны и необъяснимы.

Красный Ягуар

Асина карьера развивалась стремительно. Сначала она исполняла роль машинистки и редактора, потом ей доверили проверять цифры в проектах. Оказалось, что народ преимущественно гнал липу, то ли по старой советской привычке, то ли по безграмотности в деле политической экономии капитализма, но не суть. Все приходилось пересчитывать. Через неделю она стала правой рукой господина Приветова – розовощекого геркулеса, казалось, так и не избавившегося от детской аллергии. Он был очень вежлив, умел ценить чужой труд, и его работа всегда была самой важной и самой срочной. Когда он писал, его лунообразное лицо с глубоко посаженными голубыми глазами и слегка вздернутым носом было сосредоточено, как у школьника. А писал он много, как будто успех дела напрямую зависел от производительности его пера. Закончив очередную писанину, он передавал ее Асе для печати, объяснял, как правильно оформить: отдельно заявку и отдельно проект для соответствующего комитета. На компьютере господин Приветов не умел – увы.

Он рождал инвестиционные проекты, о если б только знали инвесторы, из какого сора! Из путаной писанины на пожелтевших листах бумаги, из ксерокопированных страниц НИРовских отчетов и из прочей макулатуры, которую приносили бывшие советские рационализаторы, не имевшие представления о том, что такое настоящий инвестиционный проект. Десант различных американских фондов проявлял готовность научить наших кулибиных современным требованиям, но цена услуг американских чиновников-пенсионеров соответствовала примерно стоимости однокомнатной квартиры и была обнищавшим рационализаторам не по карману. Они кропали самостоятельно, добывая некоторые сведения у крупных предприятий, где иностранные специалисты внедрялись по требованию начальников свыше, естественно, за деньги этих предприятий.

Сам Лева целыми днями принимал посетителей. Между приемами он делал перерывы – выбегал в ванную комнату и ополаскивал лицо водой. Потом, на ходу встряхивая по-собачьи мокрой головой, возвращался в кабинет и удобно устраивался в своем кресле.

Приходили, осторожно просачиваясь в дверь, скромно одетые научные работники, уже давно не получавшие жалованья. Некоторые из них не умели ничего толком оформить и оставляли пару листочков со своими каракулями и незатейливыми расчетами.

Инженеры-изобретатели делились на безнадежных мечтателей, которые стремились ошастливить человечество полнейшей роботизацией: от домашних тапочек, которые бы по запаху узнавали ноги хозяина, до решения космических задач и даже контактов с НЛО. Другие были более адекватны: они тащили из архивов все замороженные проекты и не брезговали рацпредложениями, пытаясь извлечь из незаслуженно забытых литературных памятников хоть какую-то пользу; они знали все и все правильно говорили. На самом деле, если бы за эти материалы взялись японцы, то наверняка бы извлекли экономический эффект. Но только денег на эти проекты никто не давал, как прежде, так и теперь.

Новоиспеченные коммерсанты-самоучки, наплодившие уйму кооперативов и товариществ с ограниченной ответственностью, были самого разного толка, но их предложения не отличались оригинальностью, поскольку вся атмосфера городской жизни была пропитана идеей что-нибудь купить крупным оптом (например, баржу сахара или цистерну спирта) и продать также оптом, но значительно дороже. Вот только как это сделать – самоучки не знали, а те, которые знали, не подпускали их к товару ближе, чем на километр – то есть убойную дальность пули автомата Калашникова.

Апофеозом было – инвестиционное серебро, при купле-продаже которого весь город готов был выступить посредником; об этом серебре говорили шепотом (под большим секретом) не только в офисах, но и в транспорте и просто на улице. Правда, никто не знал, откуда

это мудреное словосочетание взялось, кто продавец и кто покупатель, и этим всю пользовались мошенники, которые за деньги сводили желающих выступить посредником в этом опасном деле то со стороны покупателя, то со стороны продавца. Кто тогда не мечтал проснуться в один прекрасный день миллионером.

Появлялись и солидные люди, занимающие должности в различных госорганизациях; они собирались что-нибудь возглавить или, на худой конец, подзаработать советами. Но самыми желанными и самыми редкими гостями были лица, приближенные к банковским сферам.

Выходя к концу дня из кабинета, Лев Сергеевич вытирал пот со лба и обычно говорил:

– Хорошо, что еще «челноки» к нам не идут, обходятся как-то без инвестиций. Вот у кого учиться надо!

Неделя пролетела незаметно, наступила пятница. Ближе к концу дня Хоменко пригласил Асю к себе в кабинет. Он сидел, как обычно, на поднятном на максимальную высоту кресле, покачивая ногами и опираясь локтями на стол. Он был в хорошем настроении и говорил, что экология является одним из приоритетных направлений и многие его высокопоставленные знакомые собираются сделать карьеру на этой экологии, – политическую, конечно. Поэтому денег на проекты им не жалко, тем более не своих.

И вдруг он предложил прямо сейчас поехать на экологическую выставку, в которой контора «Эко-Про» принимала участие. Про выставку Ася слышала от Рысева, который недавно хвастался своими достижениями. Уже несколько типов разработанных им фильтров для воды прошли сертификацию, а главное – и церковь, и детские учреждения их одобрили. Выступать на публике Рысев любил, говорил проникновенно и убедительно, его слушали с замиранием сердца, особенно когда он клеймил грязные производства и нерадивых руководителей прошлого, или объяснял, какое разрушительное влияние оказывает на организм человека плохо очищенная вода. Но интересно посмотреть, что на этой выставке показывает Лева.

Они быстро собрались и под любопытные взгляды сотрудников молча направились к выходу. Машину Лева водил отлично и даже любил погонять. Когда они подъехали к выставочному павильону у Тучкова моста, народу уже почти не было; вахтерша сказала, что выставка то ли закрывается, то ли уже закрылась, но Хоменко знали, и их пропустили. В переговорной комнате их ждали люди из Москвы – два симпатичных молодых человека: один шатен крепкого телосложения, а другой высокий брюнет с черными персидскими глазами. Очевидно, тоже борцы за экологию. Они мило раскланялись с Левой, обменялись непонятными фразами – ни о чем, а потом уставились на Асю.

За неделю работы в мужском коллективе Ася почистила перышки и даже сходила в парикмахерскую. Теперь ее волосы цвета соломы ложились на плечи ровными прядями, а зеленые глаза благодаря искусству макияжа казались влажными и блестящими. Она была на голову выше Левы, и в этом был особый шарм, свойственный преуспевающим бизнесменам. Москвичи моментально оценили ситуацию и сделали вывод в духе своего московского менталитета. И хотя Ася была представлена как ближайшая соратница Левы, на которую возлагались большие надежды, в том числе и в области развития экологического направления, они все равно думали по-своему: если Лева завел женщину, значит, дела у него идут в гору. Они нахально разглядывали Асю и, в общем, – одобряли.

На выставку они так и не попали, да и была ли контора Хоменко представлена на этой выставке – осталось загадкой. Для продолжения разговора решили поехать в ресторан.

Покинув выставочный павильон, Ася первым делом вытащила сигарету из сумки и отошла в сторонку покурить. Отсюда видна была Левина «восьмерка» и новенький красный «Ягуар», на котором гости совершили путешествие из Москвы в Петербург, а сейчас собирались отправиться в гостиницу «Астория» на ужин. Мужчины стояли между машинами, Лева

о чем-то говорил, а «перс» улыбался. Его восточное имя Ася забыла сразу же после знакомства. Вдруг она заметила, как мелькнул дипломат, сначала в руках Хоменко, а потом «перса», и тот, как бы взвесив рукой приобретение, передал его своему мускулистому коллеге (который, видимо, был телохранителем). «Неужели это деньги?» – мелькнуло в голове у Аси. Но тут подскочил Лева и потащил ее в свою машину.

– Поехали, – бросил он на ходу, – заодно и поедем по-человечески. Они нас угощают. Что ты так нахохлилась? Это порядочные люди. Мы еще не достигли их уровня, но наше время не за горами.

И поехали через Тучков мост, потом Дворцовый на Площадь декабристов. Машины припарковали прямо напротив входа в «Асторию». Старший официант провел их в зал и усадил за столик под торшером. Атмосфера ресторана навевала воспоминания о советском прошлом, ушедшем навсегда. Какая у нее, тогда еще молодой и красивой женщины, была интересная жизнь! Ася даже вспомнила свои прежние наряды. «Асторию» она любила. Начальство НИИ, в котором она работала, периодически устраивало в ресторане обеды для иностранных гостей, и Асю приглашали довольно часто – все-таки два иностранных языка.

Еды заказали много. Мужчины, дожидаясь заказа, вели разговор вокруг экологии, то есть о тех, кто «крутится» в этой сфере. Как именно «крутятся» они сами, было не совсем ясно, но вроде «поднимаются». И сегодняшние переговоры с одним «перцем», как выразился гость с персидскими глазами, прошли удачно. Потом они заговорили об «одном важном деле», которое нужно было протолкнуть в инстанции.

– Ты хорошо подготовился, – сказал Лева «персу», – базара нет. Сделаем.

Уже принесли закуски, и Лева, сложив ладони в «намасте», сначала потянул носом и поблагодарил Вселенную за посланный кусок хлеба (первый раз за день), а потом, уже закусывая овощной салат черной икрой, повернулся к «персу» и выразил ему благодарность на индийский манер.

– Самое время, – продолжил разговор «перс», – у нас ведь сейчас религиозный плюрализм.

Иногда «перс» поглядывал на Асю, и она в ответ улыбалась, делая вид, что их разговоры ее не особо занимают. Ела она не спеша, наслаждаясь вегетарианским меню, если не считать черную икру в розетках и омаров в салате. Мужчины, закончив разговор о некоем важном деле, стали обсуждать общих знакомых, потом заговорили о ваучерах и лицах, преуспевших в приватизации государственной собственности. Перейдя к десерту, они озаботились постоянно растущим курсом зелени (то есть доллара) и заговорили об иностранных инвесторах, на которых у них обоих есть выход.

Заказав себе кофе, Ася вышла покурить (мужчины не курили). Стоя в вестибюле, она вспоминала их разговор – «перс» определенно тоже был в Индии, и их с Левой связывали какие-то общие дела, и, скорее всего, они касались индийской секты. Не зря, когда она вернулась за стол, «перс», покосившись на Асю, спросил:

– А она с нами?

– Нет пока, – ответил Хоменко, – она задержанная, нервная, курит постоянно – пусть придет в себя в спокойной обстановке. И не чисть ее, я ведь вижу, что ты это делаешь.

«Это, наверное, восточные практики», – подумала Ася про «чисть». В принципе довольно любопытно. А как понимать – «нет пока»? Кто-нибудь объяснит ей, о чем это? Но Лева ничего объяснять не собирался.

Они возвращались домой вместе уже не в первый раз, потому что Лева жил в соседнем дворе и часто подвозил ее. Сегодня он был в благодушном настроении, но думал о чем-то своем, и разговор не клеился. Но Ася все-таки улучила момент и спросила его про «перса»:

– Лева, а кто главней в индийской секте, ты или этот москвич?

Остановившись у светофора, Хоменко набрал воздуха в легкие, взглянул на нее, надув щеки, и многозначительно произнес:

– Это не секта, а особая философия. Я тебе потом расскажу, когда ты будешь готова.

Невезение Асиного мужа

Домой Ася явилась позже обычного, но муж не сердился. Авторитет Хоменко в глазах Сергея был настолько высок, что он только радовался тому, что Лева доверяет его жене и, как ему казалось, старается ее продвигать. Когда она вошла в кухню, супруг и дочери обсуждали за ужином предстоящий отъезд Сонечки на стажировку в Испанию.

– Заграница нам поможет, как вы говорите, – ерничал Сергей. – Уже помогла! Страна их учила-учила, а из тех, кто уехал на стажировку в Америку или в эту вашу Европу, почти никто не вернулся.

Ася, не обращая внимания на мужа, вдохнула аромат плова, приготовленного из «ножки Буша» на рыночном подсолнечном масле. Положила себе в тарелку остатки, из которых уже были выбраны кусочки курицы, и присела за стол. Дочки как раз закончили трапезу, разбрелись по своим делам, и она стала единственным слушателем собственного мужа.

Сергей опрокинул еще рюмашку и теперь не спеша закусывал солеными огурцами. Про Левину секту Ася ничего ему не рассказывала, да он и не интересовался подробностями. Измотанный передрыганиями последних лет, он заиклился на своих неудачах и медленно, но верно погружался в депрессию. В сознании бывшего советского специалиста, у которого отпуск всегда был летом и которому не раз без очереди давали «Жигули» (то есть предоставляли возможность купить за собственные деньги), совершенно не укладывалось, что теперь он стал никем и даже не может прокормить семью. Как зыбко устроено человеческое благополучие.

После встречи на Мойке добавилась новая печаль: и Лева, и Артем – его недавние друзья и сослуживцы, смогли пристроиться в новой жизни, а он, как последний идиот, вернулся на родной завод, где зарплату задерживали на несколько месяцев. За это время деньги из-за инфляции обесценивались в разы. Артема Рысева Сережа недолюбливал, как он говорил: «за интеллигентские выверты», а Хоменко уважал и даже восхищался им.

– Когда мы запускали цех у Рысева, чего только не случилось! – вспоминал Сергей, – но Лева умел вывернуться из любой ситуации. Ему все удавалось! Он согласовал все разрешения для цеха и еще умудрился получить льготы для экологического проекта. Ну, а я уж, – разводил он руками, – выстроил производство.

– А до этого еще – гвозди! Помнишь, Ася, «Город Солнца»? – почти кричал подвыпивший Сережа, – это ведь я придумал гвозди! И жили бы мы на этих гвоздях припеваючи. Но Артем упрямый и жадный, его плетью не перешибешь.

Артем действительно был упрям. Ему все надо было попробовать, везде успеть и заработать все деньги. Раньше он был физиком-ядерщиком и работал в закрытом учреждении. А когда в стране все перевернулось, он уволился из своего НИИ и в первых рядах кинулся открывать кооператив под названием: «Город Солнца», имея в виду, что «Город» будет сеять доброе, вечное и при этом еще приносить приличный доход.

Гравитационное поле Артема тогда полностью затянуло Сережу, и он решил купить гвоздильный станок, так как на рынке дефицит гвоздей только рос. Через хороших знакомых ему удалось достать нужный станок в Череповце – в обмен на фээргешный музыкальный центр, привезенный Артемом из турпоездки. Установили оборудование на небольшом разорившемся заводике и начали гнать гвозди. Учитывая, что накладные расходы кооператива были раз в десять ниже заводских, на гвоздях можно было озолотиться.

И вот однажды в «Город Солнца» пожаловал какой-то псих, похожий на второгодника старших классов. Для создания переговорной атмосферы он покрутил в руках газовый пистолет и сказал: «Здрасьте, я ваша крыша». Но Артем не желал делиться со всякими придурками, хотя, конечно, слышал, что рэкетиры расплодились в городе, как саранча в жаркое лето. Он не признавал «крыш», потому что их негласно узаконенное присутствие логически объяснить

было невозможно, а посему ринулся в бой. Псих запугивал, но Артем был непреклонен. А через некоторое время на джипе «Чероки» подкатили авторитеты с тупыми физиономиями и холодными, как металл, глазами – и все объяснили по понятиям. Бандиты его «раздели». Так утопист Рысев потерял Сережины гвозди.

Это был 1993 год – реформы буксовали, полки магазинов напоминали мебель, выставленную на продажу, и в довершение всего внезапно случился обмен советских рублей на российские – с конфискацией большей части накоплений. Были и такие, кто зарабатывал на разлуке, но Ася с Сергеем только теряли; ругали втихаря правительство и наивно верили в скорые перемены. Спасала Асина работа в фирме по импорту, директор которой потом исчез в неизвестном направлении.

Артему же наоборот везло – он женился в третий раз. Его избранница, обаятельная блондинка Элеонора, шила дизайнерские платья и продавала их задорого в Лавке художников. Она любила деньги и знала им цену. Элеонора сразу переехала в огромную квартиру на Васильевском острове, где Артем проживал вместе с престарелым родителем, тихим и интеллигентным профессором на пенсии. Дома воцарился уют, запахло вкусной едой, появился антикварный буфет, а по выходным стали приходить друзья и новые знакомые. И все они были готовы помочь деньгами или связями. Хозяйка накрывала в гостиной за большим круглым столом, подавала сама, демонстрируя стиль и в одежде, и в манере потчевать гостей, которых величала не иначе как господами. Новые друзья, конечно, не безвозмездно помогли найти тропинки и потайные дверцы к финансовым источникам. А сам Артем теперь стал задумываться о счастье народном, и видел он это счастье в улучшении экологии, на которую в преддверие очередных выборов сыпались государственные деньги. Как физик-атомщик он знал все про загрязнение воды, и его пламенные речи на городских посиделках разного уровня производили впечатление. Весь город говорил об очистке воды, как будто все вдруг проснулись и разом поняли, что пить надо только чистую воду.

И когда Рысев все-таки умудрился получить льготный кредит на производство фильтров для воды, тут снова понадобились старые друзья – Лева Хоменко и Сергей.

Дни шли, и Артем постепенно превращался в настоящего капиталиста, его бешеная энергия теперь была направлена на погоню за новыми проектами; а уж их эффективность и выгоду он умел определять как никто другой. Производство надежно функционировало в руках Сергея и Левы, а финансы фирмы прибрала к рукам Элеонора. Вот уж никто не думал, что эта хрупкая женщина может превратиться в настоящего эксплуататора. Первым делом она урезала всем зарплату под предлогом «за воротами очередь стоит», затем продлила рабочие часы. Сам Артем ничего не видел и не слышал – или делал вид. Сергей слевой проработали у него около двух лет и уволились в один день. Урон для полностью налаженного производства был не столь велик.

Но неудачи преследовали Сергея. Уволившись от Рысева, он умудрился попасть в безнадежный проект по спасению обанкротившегося механического заводика в области, доставшегося некому бизнесмену по имени Яша Полей в ходе приватизации (не совсем понятным образом). Когда Сергей, нанятый Полеем в качества инженера по организации производства, прибыл на место, ему открылась печальная картина.

– Приезжаем, – вспоминал он, – а там у него на горушке посреди поля стоит «Кировец» – без двух колес, а под ним куча металлического хлама, все поотвинчено. Местные мужики докапывались до деталей, которые можно продать. Ведь работы нет, а семью кормить надо. На склады не удалось попасть, не нашли ключей. Хотя я знал, что склады он сам вывез, вот там как раз было что продать, – он многозначительно покачал головой и налил себе еще рюмку, – чем я мог ему помочь?

Это неудавшееся мероприятие с заводиком на пригорке, о котором Полей мечтал не один год, вконец омрачило Сережину картину мира.

– Помню, – вздохнула Ася, – я же с тобой однажды туда ездила. Даже света в заводоуправлении не было – мужики поснимали провода со столбов и сдали их на металлолом.

Ася задумалась, вздохнула еще раз и принялась убирать посуду со стола.

– Почему ты все время вздыхаешь? – раздраженно спросил ее Сергей. – Чего тебе не хватает?

«Действительно, чего?» – подумала она и опять вздохнула. Постоянное безденежье ввергало в уныние, а вид подвыпившего мужа, который раньше был нормальным человеком, все только усугублял. Но она не могла его осуждать. Ведь наукой доказано, что “взмах крыльев бабочки”, где-то далеко-далеко, возможно на другом конце света, может привести к хаосу в конкретно взятом месте и даже в целой стране. И тогда все меняется, и люди тоже меняются.

Кто кладет деньги в сейф?

Атмосфера «Эко-Про» все сильнее затягивала Асю – это был оазис, наполненный надеждами и уверенностью. Здесь каждый чувствовал себя на месте, и все соблюдали ряд негласных правил: тщательно вытирать ноги, не мусорить, уважать сотрудников и посетителей, ни в коем случае не впадать в уныние и не обсуждать телепередачи о насилии и криминальных расследованиях.

Каждое утро Ася поднималась по крутым щербатым ступенькам черной лестницы, открывала дверь в квартиру на Мойке, надевала в прихожей туфли на каблуках и направлялась к своему рабочему месту под оливковым деревом у окна, из которого можно было часами смотреть на открывающуюся перспективу. Наконец она нашла работу, где ее научный склад ума и привычка к труду могли пригодиться в полной мере, не говоря уже о том, что она лучше других «квартирантов» владела компьютером, сама находила решение поставленных задач, работала быстро и четко.

Вадик Котов, когда не ездил в разные инстанции, любил посидеть рядом с Асей. Он развлекал ее городскими сплетнями. Некоторые были смешными или курьезными, а другие страшными и недосказанными, потому что касались они убийства известных лиц. А под «известными лицами» он подразумевал не только новых русских и олигархов, но и людей из властных структур.

Лева тоже выделял Асю среди других сотрудников, часто ее хвалил и не уставал предрекать большое будущее, которое ждет их всех в скором времени. Он пристрастился брать Асю с собой на приватные вечерние встречи. Это почти всегда были люди, побывавшие в Индии, и все они были интеллигентными и симпатичными: старший администратор гостиницы, в которой предполагалось селить участников конференции по инвестициям; руководители издательства; директор завода, который был готов оказывать поддержку при развитии проектов; и прочие благодетели, часто со связями за границей. Спокойные и выдержанные, что совершенно не соответствовало духу времени и эмоциональной неадекватности значительной части населения, – все они относились к Хоменко с особым пиететом, зачастую приглашали в дом и всегда кормили. Иногда Лев Сергеевич негромко и доверительно говорил хозяину что-то типа: «Ну, твой-то вопрос мы решим». И его благодарили заранее. А бывало, что вопрос уже решен.

Однажды вечером на Левиной «восьмерке» они с Асей заехали в Купчино. Нашли в новостройках нужный дом и поднялись на этаж. Дверь открыла стройная женщина лет сорока, одетая в индийское сари. Она с укором взглянула на Лева, и они перемолвились несколькими словами, из которых было ясно, что Лева в чем-то провинился. Он лукаво улыбался, переминаясь в прихожей с ноги на ногу, словно говоря: «Да ладно тебе». Хозяйка, которую звали Лидия, скользнула глазами поверх его головы, как будто принесла ему оттуда прощение.

– Вот и хорошо, – сказал Хоменко и прошел в комнату.

Обстановка квартиры была простой, пахло свежестью и чуть-чуть ароматом пачули. На высоком комоде среди кружевных салфеток выделялся портрет индийца в белой одежде с гирляндами цветов на шее.

Дочь хозяйки суежилась у обеденного стола, накрывая обед с супом, котлетами и солеными грибочками. Ели неспешно и с удовольствием, говорили о разных людях, которых знали Лева и Лидия. Ася почти не вступала в разговор, она думала про котлеты, нежные и ароматные. Понятно, что мяса там меньше половины (кто сейчас кладет много мяса), но вот вопрос: что составляет другую половину? Прерывать их разговор казалось неудобным, одно было ясно – это не хлеб. Время пролетело незаметно, за окном уже вышла яркая зимняя луна, и Ася спохватилась, что слишком засиделась в гостях.

Когда ехали домой, Лева в благодушном настроении рассказывал, какие замечательные люди его окружают. С такими можно хоть куда – не подведут. Ася молча кивала, они совсем не были похожи на примелькавшихся с советских времен бродяг-кришнаитов и для своих встреч снимали приличные залы в центре города. Как она слышала, их сборища не могли соперничать с аудиторией экстрасенсов, но что касается духовной атмосферы, то здесь было значительное превосходство.

Ася пыталась понять, какое отношение индийские сектанты имеют к «Эко-Про», но Лев Сергеевич, не утомляя себя объяснениями, ответил на этот вопрос кратко и емко:

– Никакого. Но это надежные люди.

В рабочее время про адептов секты тем более невозможно было выяснить, Хоменко с трудом находил время, чтобы обсудить с Асей проблемы экологии, о которой, как директор конторы, он имел самое непосредственное представление, потому что дружил со всеми экологическими комитетами города, в которых распределялись деньги. Но заводы вставали один за другим, и экологические фонды, пополняемые за счет штрафов на загрязнение среды, беднели. Конкуренция обострялась, но у новоиспеченного эколога была своя тропа, по которой уже прошли его коллеги партийцы. И некоторые из них тоже были членами его Организации.

Лев Сергеевич с размахом глядел на перспективу, и больше всего ему нравились мусорные проекты, например, выработка тепла и электроэнергии на мусороперерабатывающих заводах, как например, в Англии или Австрии. От своих заграничных друзей, он слышал, что в этой области можно хорошо заработать, и даже бывшая английская премьерша Маргарет Тетчер держит мусоросжигательные заводы.

Лева вещал с важным видом, собираясь на совещание в областное правительство:

– Я видел в Австрии завод Шпиттлау. Обалденно красивый, с множеством золотых шаров на маленьких башенках по периметру, напоминает цирк шапито. Вот как они умеют. – Он протянул Асе для перевода красочный буклет с «цирком шапито» на обложке. – Ты была в Европе, видела там что-нибудь подобное?

– Была в Германии в девяносто первом, – ответила она. – Про экологию не помню, а собаки гадят, как и у нас, повсеместно, и куда не кинешь взгляд, на всех заборах реклама: «Водка Горбачев» и «Свободу Нельсону Мандэле».

– Совдеповская привычка смотреть на заборы, – снисходительно вздохнул Лева.

И отбыл по делам, а Ася направилась к компьютеру, чтобы сделать из завода Шпиттлау дайджест. Смешно все это, думала она, кто это будет получать электроэнергию из мусора? Довольно приличные деньги за сбор мусора в городе уже давно поделены, а за передел рынка могут и голову оторвать. Оставалась разве что всякая новомодная мелочевка. Было у них одно совещание со шведами в «Невском Паласе». Хитрые иностранцы просчитали, что если приспособить расплодившихся в городе бомжей к сбору банок из-под пива, то получится неплохой экономический эффект (особенно для самих шведов, ведь банки-то алюминиевые), ну и помощь малоимущим – желательно за счет какой-нибудь европейской программы (с отчислениями в пользу организаторов). Особенно Асе запомнилось, как холеный швед лично давил банку ногой, а потом присутствующие практиковались в этом искусстве – в качестве аттракциона.

Первое разочарование случилось через месяц в день зарплаты. Все по очереди заходили в кабинет Хоменко. Первым зашел Приветов. Вышел он, задумчиво улыбаясь, как будто что-то прикидывая в уме. Потом зашли Котов и Злобин. Вадик, как всегда, блаженно улыбался, а Гриша вышел угрюмый. Наступила очередь Аси. Она вошла и закрыла за собой дверь. Лева расхаживал по комнате в клетчатой рубашке с закатанными рукавами, на спинке его кресла висела заграничная куртка из тонкой бежевой кожи. Он был возбужден, глаза его поблески-

вали, и собой он был явно доволен. Не спуская глаз с Аси, он пошарил рукой в сейфе и протянул ей двести долларов со словами:

– Тебе, как моему помощнику, плачу больше всех. Это, конечно, не деньги, но деньги будут впереди. Путь, он и есть путь – тернистый, трудный, слабаки не выдерживают. Деньги – это не проблема. Только боюсь, что перессоритесь, когда они повалят.

Ася остолбенела. Наверное, вычел за чай и бензин. Она не знала, как реагировать, держа в руках две стодолларовые купюры. Другим, выходит, он дал еще меньше. Жуть!

Выйдя из кабинета, она направилась на кухню, там все уже собрались за чаем, но никто не обсуждал свое вознаграждение. Разве что Гриша Злобин, постоянно жалующийся на нищету, рассказывал о том, как он устроился на фирму, торгующую эксклюзивной мебелью.

– Нормальные люди богатеют, – просвещал он удивленную публику, – на эксклюзив есть спрос.

Миллионеры созревали втихаря, как грузди по осени под слоем лесной подстилки. Одни таились и украдкой ремонтировали купленные в старинных домах квартиры, а другие на новеньких БМВ или джипах обгоняли на дороге плеебеев на списанных иномарках, спеша в свои загородные имения. Антиквары и торговцы предметами роскоши сразу приободрились – процесс шел в правильном направлении.

– Если кто-то поднимается, то нам тоже обязательно повезет, – запустил Приветов в пространство свою мыслеформу, угощаясь бесплатным печеньем.

Покорность Аркадия казалась Асе совершенно неестественной. Он без особого труда мог бы найти себе более денежную работу, что-то его вынудило примкнуть к Хоменко, и может быть, тут кроется тайна. Но он ничего о себе не рассказывал. Один Вадик блаженно улыбался в ожидании коллективного чуда и цитировал Леву, призывая к ударному труду, чтобы потом сообща и по справедливости делить прибыль. «Гипноз, – подумала Ася про Вадика, – ну да ладно, поживем – увидим».

Со следующего понедельника позиция Аси еще более укрепилась. Она теперь часто сидела за столом рядом с Хоменко и излагала подробности проектов лицам, приближенным к инвесторам. Но таких было немного, работать по большей части приходилось с разношерстными носителями инновационных идей, у которых надо было выяснять всякие подробности. И часто оказывалось, что идеи эти совсем не новые, а годами лежавшие на полках; мало того, бывало, что один и тот же проект продвигали разные люди.

Лева обычно подремывал, опершись на оба локтя и поддерживая голову ладонями, или думал о чем-то своем. Но не суть, главное – работа шла, контора писала и принимала участие в разных городских мероприятиях. Временами в голову приходила мысль о необычайной значимости «Эко-Про» в городском масштабе, но почему-то в газетах об этом не писали. Если задуматься, то многое было непонятно, и в том числе кто кладет деньги в сейф. Но это было такое время, когда не только деньги, но люди внезапно возникали из ниоткуда и сразу становились важными шишками.

Взбудораженное перестройкой общество пребывало в состоянии хаоса, примерно, как пар, выпущенный из чайника. И, как любая атомарная система, в своем стремлении к динамическому равновесию, подчинялось принципу неопределенности, когда одновременно невозможно зафиксировать положение частицы и импульс, который вызвал это положение.

Фриш

В начале ноября в кабинет Льва Сергеевича Хоменко ввалился уже немолодой широкоплечий мужчина среднего роста с огромным портфелем. Он был похож на выдавшего виды оленя. Его ниспадающие до плеч жидкие волосы, полуседые и немного вьющиеся, растрепались под шапкой, и он причесывался на ходу. И лицо, и фигура, и все его движения выдавали деятельную и увлекающуюся натуру, хотя практичности в нем было ровно столько же, сколько и азарта. Он громко поздоровался с Хоменко и, поставив портфель на пол, уселся в кресло у противоположного конца длинного стола. Лев Сергеевич даже привстал с кресла.

– Сколько лет, сколько зим! Ра-ад, ра-ад видеть!

Это был старый знакомый – Марк Соломонович Фриш. В качестве прелюдии Фриш разразился речью о тяжелых временах, вспомнил НТТМ (центр научно-технического творчества молодежи), где он вместе с молодежью сделал первые деньги в девяностом году; потом заговорил о девальвации и деноминации, сожравших все заработанное титаническим трудом. И прежде чем перейти к делу, он многозначительно вздохнул, окинул Льва Сергеевича снисходительным взглядом и благородно простил ему все прежние грехи.

Лев Сергеевич округлил свои глазки с искорками, как бы недоумевая про грехи.

– Да полно те. Чего тебя, Марк Соломоныч, привело в наши края?

Марк Соломонович сам не разрабатывал проекты. Люди и проекты просто проходили через его руки, а вернее сказать, проплывали в Реке Времени мимо его конторки, устроенной в бывшей котельной совсем рядом с центром города. Он был специалист по тылу, служил когда-то интендантом и, как бывший военный, трудиться привык от зари до зари. Кроме того, по мере необходимости он прибегал к методу мозгового штурма, и это давало результат – иногда попадалась крупная рыбка, хотя мелочевкой он тоже не брезговал. Знал он в городе всех и вся и в своем рабочем столе хранил разлинованную таблицу с тарифами на выдаваемую клиентам информацию, а также советы, звонки нужным людям и прочие услуги по прейскуранту. Большая часть проектов Хоменко уже прошла через руки Фриша – город маленький. А некоторые из них, к сожалению, не попавшие в «Эко-Про», Марк Соломонович умудрился выгодно продать разным заинтересованным лицам.

– Тут есть один про-эктик, – кивнул Марк Соломонович на свой кожаный портфель, – завод по производству совершенно нового сорбента. Нужны гарантии, правительственные гарантии. И быстро. Ты, говорят, можешь. А то уплывет. Поверь мне, такие проекты быстро уходят.

Лицо его переменилось, теперь оно казалось открытым и приветливым, он говорил с Львом Сергеевичем, как со старым приятелем, жаловался, что рынок не готов, что денег нет на толковые бизнес-планы, а иностранные фонды обкрадывают изобретателей, и через несколько лет многие будут жалеть о том, что опять русская передовая мысль ушла за границу. Хоменко лукаво повел бровью и сделал такое лицо, как будто ему было известно, кто именно отправляет русскую мысль за границу, но на счет гарантий обещал подумать.

Знакомство с проектом назначили на следующий день.

С утра Хоменко в конторе не было. Пользуясь отсутствием начальника, Ася с Гришей Злобиным и Вадиком устроили чаепитие, не дождавшись обеденного времени. Гриша принес пончики, которые еще с Асиного детства пекли в крошечном кафе на улице Желябова, ныне Большой Конюшенной. Это была Гришина отвальная. Аркадий Приветов заглянул на минуточку в кухню и, оттопырив мизинчик, взял пончик. Он глядел на Гришу с грустью в глазах и, немного поколебавшись, заметил:

– Зря ты. Лев Сергеевич много может, я-то знаю; я уверен, что деньги у него будут, на роду ему так написано, фирма поднимется. И направился к своему столу строчить очередные опусы.

Хоменко пришел в разгар чаепития и, не найдя сотрудников на местах, заглянул в кухню. Откушал пару пончиков, поблагодарил Всевышнего за то, что тот послал ему пропитание (первый раз за весь день) и, по-дружески улыбаясь, напутствовал Грише:

– Жаль-жаль, я все понимаю, жена хочет выбраться из коммуналки. Иные женщины не умеют ждать, не видят перспективы. Ну, поступай как знаешь. Придешь – мы тебя примем обратно. Но имей в виду, прибыль будем делить уже по-иному.

Потом он сделал знак Асе, чтобы та зашла в кабинет. Не успела она переступить порог кабинета, как пронизывая ее рентгеном своих рыжих глаз, Лева торопливо спросил:

– Ты Фриша ведь знала раньше. А Волохова знаешь? Я тут кое-что о нем собрал.

– Я бываю иногда у Фриша в котельной, там много людей крутится, но про этого, как его там... я даже не слышала, – с искренним недоумением ответила Ася.

И тут раздался звонок в дверь.

– Это они, – сказал Лева, – сейчас узнаешь.

Первым вышагивал Марк Соломонович Фриш со своим объемистым портфелем, а за ним шествовали двое мужчин: один высокий худой, лет сорока восьми – явный лидер, другой – попроще, крепкого телосложения, в деревенском свитере. Это были инженер Волохов – разработчик проекта и его помощник Колмаков.

Когда все расселись, слово взял Фриш. Он говорил от своего имени:

– Мы рассчитали экономическую эффективность, мы проверили экспериментальные результаты и заключения экспертов, у нас есть цех на одном из сибирских заводов.

Лева, как обычно, восседал в своем кожаном кресле, придвинутом вплотную к столу. Он постоянно кивал и улыбался многозначительно и хитро. За всеми приличными проектами, которые он двигал, стояли солидные организации. И где он там? А здесь все, можно сказать, свои. И дело выглядело обнадеживающе: период освоения проекта очень короткий, а прибыль солидная. Вот же Фриш, хитрый еврей, все проворачивает тихой сапой в своей котельной, и никто в городе не слышал об этом проекте.

Когда Фриш закончил, к доске с плакатами вышел инженер Волохов. В его подтянутой фигуре и широкой походке чувствовалась целеустремленность; а худое лицо с высоким лбом, ровным носом и немного притупленным подбородком было не лишено обаяния. Он прикрепил фотографии на магнитную доску и стал рассказывать о проекте, попутно вырисовывая мелом показатели эффективности. Он говорил увлеченно, и даже не вникая в суть, слушать его было интересно. Голос приятный, с легким дрожанием, речь грамотная. Идея действительно была своевременной, ее легко можно было понять и просчитать, но Волохов периодически подчеркивал, что есть тут одно ноу-хау, которое знает только он. Колмаков тоже вставлял свое слово, когда Волохов к нему обращался, потому что именно он испытывал эту установку на сибирском заводе.

«Наверное, прямо с завода и приехал в своем деревенском свитере», – пришло в голову Асе.

Фриш по ходу изложения активно жестикулировал своими густыми бровями, многозначительно поглядывая на Леву. Но Хоменко его не видел, он отводил взгляд в сторону Приветова, который что-то рисовал карандашом на листе бумаги. Вадик Котов принес поднос с чаем и печенье, и на лице его было написано: «Дождались». Общее возбуждение висело в воздухе, создавая особое поле, в котором и существовали в данный момент все присутствующие. Все думали о чемоданах с наличностью. Раздав чай всем желающим, Вадик с просветленным лицом тихо произнес: «Зря Гриша ушел».

Когда все кончилось, Фриш с Левой и Ася еще некоторое время оставались в кабинете.

– Необходимы официальные гарантии, – говорил Фриш, – надо быстро, ты же видишь, могут перехватить. Поработай немного, и десять процентов твои.

Лев Сергеевич поднял брови, его глаза говорили: «Какая наглость, десять процентов. Не фига-а!» Но вслух он пошутил про шкуру неубитого медведя и про уши от мертвого осла, а потом похлопал по плечу собравшегося уходить Фриша.

– Ладно, разберемся, мы люди простые.

Его трансцендентное сознание внезапно прояснилось, может даже благодаря общению с высшими силами. Ему не надо было напрягаться и утруждать свой мозг подсчитыванием какой-то там математической вероятности или периода окупаемости, его просто осенило – это шанс. Фриш, похоже, что-то почувствовал и забеспокоился; он на минутку выбежал из кабинета, чтобы хлебнуть в кухне холодной воды и прийти в себя после нервного напряжения и сердечного спазма.

Асе Фриш нравился, он явно был грамотнее Левы, хотя Лева был хитрее. Она не раз заходила к Фришу после того, как однажды ее привели туда знакомые в поисках работы. Фриш тоже испытывал к Асе симпатию, он чувствовал в ней потенциал, пытался найти ей применение – но не получалось. Его полутемные дела пугали ее, а послушные сотрудники казались плоскими и бесцветными. Иногда на горизонте появлялись более или менее интересные люди, но в бывшую котельную их приводило только желание заработать на сомнительных сделках. Работа у Фриша была нервная. Он периодически совершал крупные операции: то участок леса продаст, то партию иномарок; то перехватит у торгашей вагон с сахаром, а однажды он построил через своих старых сослуживцев два бронетранспортера одному кооперативу в Краснодарском крае. Из-за сделок, которые были известны всему городу, за ним вечно гонялись бандиты. Но он умел отбиваться, хотя иногда и делиться приходилось.

Бывало, что он, закрывшись с Асей в своем кабинете-бункере, вспоминал, как дело было. А дело обычно было так: Фриш ходил по краю пропасти, на грани фолла и «переходил дорогу» (то есть, уходил от одной «крыши» к другой). Конечно, он действовал в рамках всех договоренностей, но непредвиденные обстоятельства постоянно вынуждали его принимать срочные решения, которых не могли понять ни его партнеры, ни сопутствующие сделкам бандиты. После чего следовали разборки. Заканчивал он свои откровения обычно фразой: «Фу, еле ноги унес. Если все рассказать – ты не поверишь».

Скидывая со столов все ненужное в мусорную корзину, Ася обнаружила лист бумаги, изрисованный инженером Волоховым – стремительные ровные линии. Буровая вышка, длинный ангар и дорога, уходящая на край листа. «Дорога на край света. Увлеченный человек», – сделала она вывод и на всякий случай сохранила лист.

Через несколько дней Волохов пришел уже один. Они с Хоменко долго говорили при закрытых дверях. Похоже, что Лева наобещал ему с три короба, чтобы отбить проект у Фриша. Выйдя из директорского кабинета, Волохов обратился к Асе, для начала нужно было составить несколько вариантов резюме проекта. Так началась Асина работа с человеком, который привнес в ее жизнь радость и разочарование и повлиял на многие события в ее жизни.

От него приятно пахло одеколоном, его темно-синий костюм был явно сшит еще в прошлой жизни и пережил множество утюжек, зато сидел плотно, подчеркивая стройность. Сам Волохов показался ей «себе на уме» и даже несколько высокомерным.

– Извините, – обратился он к Асе, – насколько я понял, Лев Сергеевич именно вам поручил этот проект.

Он протянул свои документы и папку с образцами, на которые надо было ориентироваться. Ася повернулась и случайно наехала на него своим креслом, Волохов резко попятился, чтобы не соприкоснуться с ней, и чуть не сшиб кадку с оливковым деревом. Это выглядело наигранно.

– Я должен вас предупредить, – заметил он, – все это сверхконфиденциально, пожалуйста, никому не показывайте. Кстати, проект выполнен в американской программе «Проджект эксперт». У вас такой, наверное, нет.

– Конечно, нет, – ответила Ася тоже театрально, – но мне и не надо.

– Жаль, – ответил Волохов, – мне бы хотелось кое-что переделать, а эта программа сама все считает. И не просто так, а по международным стандартам. Эти стандарты специально разработаны в Америке для оценки инвестиционных проектов.

Он избегал лишних разговоров; покусывал губы и старался держаться немного отчужденно. И понятно, ведь он был обладателем проекта, который обязательно выстрелит. И тогда все они будут считать за счастье работать у него.

«Воображает, а мог бы комплимент сказать или шоколадку подарить, как все, когда им что-то срочно надо», – сказала себе Ася и улыбнулась, пытаясь поймать взгляд отведенных от нее глаз. Когда ей это удалось, Волохов смущенно засуетился.

– Что тут смешного! Зачем только женщин берут на работу?

Ася глядела пристально. Он не был похож на обычных посетителей конторы. Гордая посадка головы и целеустремленный взгляд, не лишенный интеллектуального озарения. Так когда-то расхаживал по институту замдиректора по научной работе, который пытался за ней ухаживать. Как она соскучилась по таким людям! За последние годы они все куда-то делись. Но, с другой стороны, в Волохове чувствовалась нервозность, свойственная творческим натурам, как будто кривая трещина прошла по всему облику, как по зеркалу. Ася ничего ему не ответила, повернулась к нему спиной и принялась за работу.

Американскую программу, которая считала все показатели и еще строила графики, Лева привез на следующий день из *высших кругов* – четыре дискеты были выданы Асе под личную ответственность и после использования должны были храниться в сейфе. Установить и освоить программу помогал Вадик. Он подтрунивал над Асей:

– У тебя появился клиент, который тебе симпатичен. Да-да, я видел, как он на тебя смотрел. Еще, я заметил, ты глазки стала подкрашивать.

– Вадик, ты смешной, – говорила Ася и сама удивлялась, что он заставил ее улыбнуться, почти развеселил. Если вдуматься, то за последние три-четыре года Ася совсем разучилась смеяться.

Хоменко последнее время тоже был в приподнятом настроении, наверное, нашел способ обойти старину Фриша. Он зачастил в коридоры власти – представлял проект. После посещения инстанций все время требовались какие-то переделки, и Волохов стал приходить часто. Ася сохраняла деловой тон общения. Работа у нее спорилась, иногда она давала дельные советы, находила мелкие ошибки, смотрела на Волохова официально и даже строго. Это подействовало, и он просто прилип к ней.

С Волоховым они часто оставались вдвоем, а Лева теперь уже без нее отъезжал на свои встречи. Волохов называл ее Асей, а она его Николаем Константиновичем. Когда Лева уезжал, Николай Константинович с Асиного разрешения часто звонил в Москву с Левиного телефона. И каждый раз доверительно сообщал ей, с какими важными людьми он разговаривает. К сожалению, эти люди занимались совсем другим: банками, нефтью, оптовой торговлей и денег Волохову на проект не давали.

Неожиданный поворот

В начале декабря оказалось, что приближается день рождения Аркадия Приветова. Аркадий Тимофеевич занимал особое место в «Эко-Про» – большой кабинет с двумя огромными столами, которые были расставлены так, что их столешницы в плане напоминали букву «S», то есть доллар. Сидя лицом к окну, выходящему на Дворцовую площадь и, обдумывая очередную писанину, он любил останавливать свой взгляд на вершине Александровской колонны, где ангел, попирая змия, возносил руку к небу. Это был символ преодоления и победы.

Приветов был исключительно трудолюбив. В его кабинете хранились все проекты, которые поступали в «Эко-Про», а также всякие неофициальные писульки, касающиеся деловых связей и приоритетных направлений, в которые можно было встроиться благодаря этим связям. Он раскладывал бумаги, анализировал их, а потом целыми днями строчил обоснования. Периодически Хоменко вызывал его в кабинет для беседы с глазу на глаз, и заглядывать туда в такие моменты никто не решался. При общении с Хоменко Приветов выражал искреннее почтение и готовность, хотя от природы он явно не был кротким, и в индийской секте тоже не состоял. Но никаких выдающихся качеств Аркадий Тимофеевич не проявлял – ни мужества, ни агрессии – только технический прогресс, совсем как усердный ученик школы с углубленным изучением чистописания. Когда он трудился над своими опусами, лицо его менялось, превращаясь из упитанной «будки» громилы Приветова в круглую мордашку пионера Приветова, регулярно выполнявшего план по сдаче макулатуры, поскольку все приходилось переписывать и перепечатывать по нескольку раз. Его истинную натуру выдавало только отлично сшитое кожаное пальто покроя «шинель», явно купленное при более благоприятных обстоятельствах, и похож он был в этом пальто на первоклассного мафиози.

Предложение отметить день рождения одобрили все, да и традиция сплачивать коллектив застольем еще не вышла из употребления. Мысль о предстоящей пирушке позволяла немного отвлечься от угнетающей темноты последней декады ноября и к тому же возвращала в стабильное прошлое, где остался вкус салата оливье и «селедки под шубой». Решили пригласить и Волохова, на которого втуне надеялись как на будущего работодателя.

– Где еще ему взять умных и надежных людей, – говорил Вадик, разводя руками, как будто толковых людей и вправду больше нигде не было.

По случаю Хоменко пригласил свою знакомую – Ирину, которая не раз заходила в «Эко-Про». Происходя из знатной династии торговых работников, расчетливая и проворная, она прекрасно ориентировалась в торговле, а в периоды спада, которые случались при каждом кризисе, переключалась на духовные материи. И продавала их так же успешно. Она организовывала встречи с экстрасенсами и парапсихологами – невероятно популярными тогда в народе. Сначала на прибыль особо не рассчитывала, но неожиданно оказалось, что сеансы вполне окупают себя, особенно в небольших уездных городках, где аренда зала в местном доме культуры (ввиду временного запустения культуры) стоила недорого, а народу набивалось много.

– А куда еще идти людям, потерявшим зарплату и даже надежду свести концы с концами, – объясняла она, – всяко лучше, чем пялиться в телевизор.

Когда на доме культуры появлялась афиша: «Встреча с известным экстрасенсом (телепатом, парапсихологом, коррекция кармы и пр.)», билеты расхodziлись за два-три дня. Потом приезжал таинственный маг (конечно, международного уровня), одетый во все черное, посылал пассы в зал, и зал, затаив дыхание, настраивал свое поле в резонанс. Наступала мертвая тишина. Безработные и отчаявшиеся, коллективно пытались исправить свою карму, создавая физическое поле такой напряженности, что некоторые внезапно излечивались, а других вдруг осеняло. Были, конечно, и скептики. А где их нет? Скептики даже необходимы – иначе может нарушиться диалектическое равновесие.

И вот настал день, на который было назначено сплочение коллектива. С утра все работали: Лева уехал в областное правительство, Вадик был отправлен с поручениями и мелкими подарками в различные комитеты, а Асе было велено купить в «Доме книги» этим самым комитетам живописные календари к новому году.

После обеда, то есть чая с сушками, в квартире воцарилась особая атмосфера предвкушения праздника и застолья. Все нетерпеливо ждали, когда Приветов уберет свои бумаги, чтобы выставить на стол принесенные из дома угощения. Наконец, Ирина выложила на блюдо огромную запеченную курицу, пропитав ароматом всю квартиру, и уселась в большое кресло для гостей. Она была немного моложе Аси, невысокая брюнетка с круглыми щечками и острым подбородком, кончик длинного носа направлен вниз, как у хищной птицы, а глаза яркие, карие, и, когда она их прищуривала, глядя на собеседника, ее лицо становилось загадочным. Одевалась она модно, руки холеные, на пальцах золотые кольца. И по всему было видно, что она привыкла к достатку и независимости.

В комнату Приветова зашел Лева, поздоровался с Ириной, и у них спонтанно завязалась беседа – про интуицию, которая, как они оба полагали, была двигателем прогресса.

Следом прибыл Волохов – с бутылкой шампанского, пирожками и домашней квашеной капустой. Он, даже не раздевшись, прошагал в комнату и стал все выкладывать на стол. Волохов тоже носил кожаное пальто, но, в отличие от Приветова, его пальто было признаком респектабельности, положения в обществе, особенно в сочетании с черной пыжиковой шапкой, которая ему очень шла, красиво оттеняя серые глаза. В этом пальто с присущей ему манерой держаться он был похож на депутата. Последним оказался Артем Рысев (в кожаной куртке нараспашку), он притащил огромный торт из «Севера» – немалая роскошь по тем временам.

Застолье открыл Лев Сергеевич, подняв стакан минеральной воды, он произнес довольно пространственный тост про веру в будущее и покорность своей судьбе. Когда он ушел вместе с бухгалтершей Людмилой, Приветов распечатал бутылку водки «Русский Стандарт» и разлил. Пошли в ход закуски, курицу бережно разрезали, мясо отскребли от костей – и снова налили. Разговоры стали громче, лица раскраснелись, воцарилась атмосфера праздника. Про день рождения вспомнила только Ирина.

– Я желаю вам счастья, – сказала она с вкрадчивой улыбкой Приветову, когда он потянулся через стол, чтобы наполнить ее бокал шампанским. – Мне кажется вы из тех, кто умеет бороться и побеждать.

Она задержала на нем гипнотический взгляд своих цепких глаз, изящно заправляя холеными пальцами салфетку за ворот шелковой блузки. Ей много не надо, она все сама умеет, не хватает только плеча, на которое можно опереться. Ведь у нее в жизни уже было столько предательств.

Приветов был в ударе, выпить он любил и знал множество тостов, но сейчас говорил от сердца – о Льве Сергеевиче Хоменко, который всех их приютил под своей крышей.

– Не просто крыша, которой накрывают чердак, а «крыша»! Это надежный тыл, – обвел он всех многозначительным взглядом.

Вадик наполнил свой бокал минералкой, подлил шампанского Ирине, перехватив инициативу у Приветова. На его добродушном лице светилась улыбка, его мягкий и немного скрипучий голос едва подрагивал, он даже запинаясь, стараясь не казаться слишком откровенным.

– Я согласен с Аркадием, мы здесь как за каменной стеной. Я просто счастлив, что Лева взял меня, можно сказать, на свой корабль, я и мечтать о таком не мог. Я его верный матрос. А с деньгами – разберемся, я этого не боюсь. За учителя! Он ведь для меня, вы знаете, еще и гуру.

– За наше предприятие! – налил себе двойную порцию Приветов.

– Я тоже верю в успех, – задумчиво произнесла Ася.

Как же не верить, если даже владелец работающего производства Артем Рысев, которого, кстати, на день рождения никто не звал, почуял здесь свою выгоду.

– За свободу творчества, – перебил ее Артем. – Мы опрокинули старую уравниловку и коммуны, – он браво подтянулся, входя в роль оратора, – и теперь нам все пути открыты. Приватизация – великое дело. Страну народу! И каждому его долю!

Алкоголь подействовал на Асю удручающе. Прав Вадик, судьба их действительно зачем-то собрала на одном корабле, который, как парусник в фордевинд, летит по волнам в загадочную страну Эльдорадо. Конкистадоры девяностых – кто-то обогатится, а кто-то погибнет. Закон жанра. Нет такой страны, где золота хватит всем.

– Безумству храбрых! – поднял бокал Артем.

Ася устала в тарелку с курицей. Она бы с радостью вернулась в прежнюю жизнь, где осталась зарплата старшего научного, международные конференции и предсказуемость жизни. Но все это сгинуло безвозвратно. Самая большая карьера ее жизни позади, значит, и жизнь прожита. Цена ей теперь – двести долларов. Сейчас в фаворе совсем другие персонажи.

– Встряхнись Асенька, ты чего загрустила, – подтолкнул ее Вадик.

Ася оглядела присутствующих: по всем последние годы прошли катком. Даже Рысев потерпел фиаско со своим «Городом Солнца», и Приветова, судя по всему, прилично потрепали. А они с Сережей, сколько они пережили. Только Ирина выглядела непотопляемой. И зачем ей этот «Эко-Про»?

Сабантуй был в разгаре: Рысева понесло про бутилирование воды, добываемой из подземных горизонтов. Он не мог смириться с тем, что кредит на это общественно значимое дело получил какой-то тип по фамилии то ли Халялин, то ли Халявин.

– Этот Халява просто захватил источник, – возбужденно жестикулировал Артем, – мало того, построил там дом, загородился каменным забором, и выбить его оттуда силой гораздо дороже, чем дать кредит. Но мы будем бороться, там еще много земли, – сказал он, глядя на Волохова, – можно ваш завод построить.

Он пришел из интереса к Волохову, и так и сяк пытался к нему подобраться, но Николай Константинович был занят своими мыслями.

– Вода – главное на земле, – вступил он в разговор, и все затихли, – уже сейчас в некоторых странах она стала дефицитом. Скоро мы и сами будем покупать питьевую воду как хлеб. Да, да, не удивляйтесь, спрос будет расти. Вода – это очень перспективно.

В отличие от Артема, он говорил без пафоса, даже с неким сожалением по поводу грустных перспектив человечества, а может, с долей зависти к удачливому предпринимателю.

– А где вода, там и сорбенты, – продолжал Волохов. – И сорбент, которым мы занимаемся, позволит существенно улучшить качество воды.

– Гениально! – подхватил Вадик. – Предлагаю тост за прекрасный проект Николая Константиновича, за его светлую техническую мысль. Вот оно, наше будущее, для начала хватит всем.

Волохов нарочито смутился, принимая всеобщее признание, а намек Вадика пропустил мимо ушей. Он встал и разразился длинным тостом: поблагодарил за доверие и повел речь о российских самородках, пропадающих в глубинке, о нищенской зарплате российской интеллигенции, которая независимо от этого будет творить. Вспоминал пророчества академика А. Д. Сахарова в отношении демократии и нравственного обновления людей. И все его понимали и кивали. И вдруг он сделал резкий поворот в сторону красивой и умной женщины – Аси, которая так много ему помогает.

У Аси и так кружилась голова от шампанского, а услышав лестные слова о себе, она растерялась и покрылась румянцем. Как бы извиняясь, она пожимала плечами и глядела на Вадика, который уже давно предрекал ей служебный роман.

Когда уходили, Приветов вышел с Ириной, Вадим остался, чтобы все привести в порядок, а Волохов галантно подал Асе пальто, и они спустились по узкой лестнице во двор. Они шли по Мойке до Невского проспекта, он держал ее под руку, читал Федора Тютчева: «Умом Россию

не понять...», а Ася вспоминала Блока. Но Волохов все время ее перебивал, норовил сменить тему и стал рассказывать о книгах, которых она не читала.

Увлеченные беседой, они шли, не замечая прохожих, домов и перекрестков, как будто устремляясь в пространство, из которого все сильнее накатывала метель. Встречный ветер задувал в лицо колючую снежную пыль, а он все говорил и говорил; ему в рот залетали снежинки и таяли в потоке слов. Метель – есть в этом слове что-то поэтическое и страшное, какая-то прекрасная и дикая сила, которая поднимала их над заснеженными тротуарами и уносила в другие миры, где рождались еще не осознанные мечты и планы.

Они миновали метро «Невский проспект» и чуть не прошли «Маяковскую». Волохов не был пьян, но с него вдруг слетел налет деловитости, словно он снял броню и превратился в совершенно другого человека – уставшего от жизни. «Легко раненного», – поставила диагноз Ася. Он говорил, что ей досталось счастливое детство, забота родителей, возможность учиться и делать карьеру. А жизнь не всех так балует, у него, например, таких возможностей не было, приходилось ступать по колючкам, пробиваясь сквозь тернии.

– Везение несправедливо, – говорил он, – случайные обстоятельства одним людям помогают, а другим препятствуют.

– Надо избегать случайностей, – Асе показалось, что в подземке его стало «развозить».

– Ты наивная, Ася, – не унимался Волохов, – когда необразованные хари лезут в люди, как червяки из навоза, и вдруг пробираются во власть, они неизбежно начинают топтать других, порядочных и достойных, – вот что такое случай в наше время.

Пальто на нем было расстегнуто, черты лица заострились, и щеки покрылись лихорадочным румянцем. Устремляясь за Асей по переходу, он всем телом немного наклонялся вперед и от этого казался стремительным, волосы растрепались, а глаза покраснели. Совсем плохо, забеспокоилась она, надо скорее прощаться.

– Надежда только на проект, этот проект все перевернет. Мы не рабы, рабы не мы, – декламировал Волохов. – Тебе этого не понять, Ася! У меня есть моральный долг перед предками. Я не хочу умереть в нищете, и жить в нищете не буду. Ты не понимаешь и ладно, – в такт своим нетвердым шагам кивал головой Волохов, – ведь материальные ценности и духовные, конечно тоже, – он пафосно повысил голос, – никто не отменял.

Когда они уже спустились на платформу, Волохов прижал ее к себе и прошептал:

– Не уходи от меня. Или я пойду с тобой, я тебя не отпущу и никому не отдам.

– Ты с ума сошел! – возмутилась она, незаметно для себя перейдя на «ты», – у меня муж и дети, а у тебя жена.

– Нет у меня жены! Она мне не жена! Я разведен, мы с ней просто соседи.

– Все мы соседи в этом мире, – отстранялась Ася, хотя тот факт, что Волохов не женат, был ей приятен.

– Мы по обмену, – продолжал Николай. – Я разменивался с бывшей женой, так получилось, что мы оказались с ней в одной квартире. Она вдова. Мы просто соседи.

– По обмену или по обману, – отрезала Ася, – женщина не бывает соседкой.

Резко отодвинув Николая, она вскочила в электричку, и двери захлопнулись. Он затерялся в толпе. Кровь прилила к лицу, и в голове взбунтовались мысли, самые глупые женские фантазии: а что, если бы они встретились раньше, как бы тогда повернулась жизнь? И что теперь будет? Ася чувствовала какое-то родство с Волоховым, и что-то внутри ей подсказывало, что он и сам так думает. Но озабоченные и усталые лица толпы в этом тускло освещенном вагоне, да еще попрошайки всех мастей со своими причитаниями: "Помогите, люди добрые, мы сами не здешние ...", вернули ее в действительность. Голова кружилась, а поезд нес на новую станцию жизни или в тупик – все равно.

Работа затягивает

Муж встретил припоздавшую к ужину супругу расспросами. Сережа, не умевший хитрить, пытался ненавязчиво выведать, когда же, наконец, бурная деятельность Левы воплотится в материальное благополучие. Он вообще последнее время стал приветливее, чем раньше, когда Ася гораздо больше пеклась о нем. Мысль о том, что у Аси может появиться любовник, ему никогда не приходила в голову. Хотя он был по-своему ревнив, но ревновал ее не к мужчинам, в супружеской верности он был уверен, а к работе, кругу общения, книгам, которые она читала, даже к дочкам. Но сейчас Сергей считал, что они примерно на равных; Лева Хоменко – не высшие научные сферы, не Академия наук. Он даже перестал называть ее небожительницей, намекая на увлеченность доисторическими осадочными слоями в ущерб борьбе с культурными слоями пыли, стремящимися поглотить красоту полированной мебели, купленной в восьмидесятые в магазине «Дрезден» по записи. Наверняка Лева посылает ее супругу правильные флюиды, думала Ася, иначе, откуда у него такое спокойствие, несмотря на то, что она почти каждый день задерживается на работе.

После дня рождения Приветова в Асиной жизни что-то изменилось. Она забыла про недостойную зарплату, ведь на работе она действительно узнавала много нового, многому научилась. Иногда ей казалось, что вот-вот произойдет событие, благодаря которому их контора, наконец, выйдет на передовые рубежи отнюдь не районного масштаба, и она, Ася Камарина, станет таким же уважаемым специалистом, как и прежде в науке. Хотя непонятно, какие специалисты теперь пользуются уважением.

Ася вставала по утрам без будильника, запивала растворимым кофе геркулесовую кашу, сваренную на воде и заправленную маргарином «Рама», а потом дольше обычного стояла у зеркала. Ее не раздражала небольшая давка в метро по дороге на работу, а путь от метро до заветной квартиры был только в удовольствие. В это время Невский проспект был немногочислен, в основном, чиновники и конторские служащие, а еще студенты – совершенно раскованные, совсем как в Европе, много молодых и красивых лиц.

В конце рабочего дня приходил Волохов. В дневное время он обычно был занят, работал с проектом или встречался с деловыми людьми. Иногда без нескольких минут шесть он в попытках взлетал по лестнице на четвертый этаж, чтобы застать Асю, и они потом долго бродили по городу. Стояла ветреная погода с дождем и хлопьями липкого снега. Вечера становились пронзительно холодными. Днем подтаивало, и тротуары в центре города были покрыты снежной кашей в смеси с песком и солью; слякоть оставляла белые полосы на обуви и разъедала кожу. Рядом озабоченные прохожие спешили в свои дома, мимо ехали переполненные троллейбусы, а они все шли и шли навстречу своей судьбе. Шаги ложились на километры, как ноты на линейки нотного стана, создавая увертюру к их будущему.

Ася молчала, а Волохов рассказывал, как в перестройку он резко пошел в гору.

– Да-да, именно так, – он покачивал головой, глядя в пространство выше городских крыш, и продолжал, – я, кстати, провел одну очень серьезную сделку, и деньги приличные. Ну да бог сними. Они все равно никуда не денутся.

Где правда, а где он давал волю фантазии, понять было невозможно, но Ася ни о чем не спрашивала, ей не хотелось деловых подробностей. Одно было ясно, если деньги никуда не денутся, значит – они в долларах.

Иногда он показывал дома, которые чуть было не купил на деньги инвестора, если бы того не перехватили в последний момент. Перехватывали не только инвесторов, но и идеи, и проекты; компаньоны растаскивали все по кускам, делили и даже уничтожали друг друга. Ася все понимала и кивала – такова современная жизнь. Он вскользь упоминал про магазины, в которых у него была доля, а в одном книжном магазине он до сих пор числился совладельцем,

только книг там больше не было – осталось только помещение, которое пыталась отнять какая-то «крыша». Говорил он спокойно, без злости и сожаления. И если бы не все эти жадные и завистливые партнеры, то он давно бы уже стал долларовым миллионером. Но не все потеряно, теперь ему открылись новые горизонты.

Он придумывал клубы для интеллектуалов, книжные магазины с очаровательными сквериками и ресторанчиками в атриумах, салоны для отдыха и общения богатых людей – и все это было с фантазией и со вкусом. Он уверял, что спрос придет в скором времени, потому что число состоятельных людей год от года растет. На счет состоятельных людей Асе было не совсем понятно. Кто они? Разбогатевшие «челноки» или люди из высших сфер, вроде как ни тем ни другим книжные салоны особо не нужны. Но она не спорила, соглашалась и даже в своих фантазиях жила в домах, которые могли бы принадлежать Волохову.

Ей казалось, что надвигаются большие перемены, может быть даже взлет, который и представить было невозможно, если бы они не встретились.

Лева, конечно, заметил, что Ася изменилась, и со свойственной ему простотой сказал однажды:

– Ну что ты, Комарина, променяла настоящих мужиков на *зайчика*. Он не тот мужчина, который тебе нужен, только голову морочит.

Она моментально приняла деловой вид и отпарировала:

– Я же с ним работаю и, кстати, нахожу его очень интересным человеком.

Тут и Вадик подрос, он улыбался, как бы понимая Асю и одновременно осуждая. Немного блаженный Вадик был совсем не глуп, но ленив, чтобы идти своим фарватером. У него легко складывались отношения, а главное – люди не боялись иметь с ним дело, не боялись, что он подложит свинью. Он нес с собой мир и покой, и ему везде были рады. Когда он отправлялся на своем дребезжащем фольксвагене в деловые круги с отчетами о бурной деятельности «Эко-Про» и перспективными планами, которые требовали поддержки, то душевные разговоры с нужными людьми завязывались сами собой. После таких рейдов он приносил ценную информацию о тенденциях и расстановке сил в городе, которую докладывал Хоменко при закрытых дверях.

Как-то за чаем Вадик проговорился, что ездил с Левой в Индию, и с этих пор жизнь его переменилась. Он бросил пить и курить, стал на все смотреть оптимистично, люди его больше не раздражали, он легко прощал им все глупости и слабости. И домашняя жизнь, и работа стали налаживаться, да еще Лева пристроил его в кооператив по продаже металлолома и, пока все не развалилось, он успел купить квартиру для подрастающего сына. И вот теперь такая удача – сам Лева пригласил его в свое перспективное дело.

«Индия... – думала Ася, – и эта странная бухгалтерша тоже ездила в Индию, кажется только Аркадий Приветов, который любит выпить и закусить, сделан из другого теста». Наверняка, Лева знал о нем больше других, но играл свою игру, собирая вокруг себя полезных людей. Конечно, большие дела нужно делать с преданными партнерами. Интересно, будет ли Хоменко продвигать Волохова? Не только чужого, но и враждебного ему.

– Вадик, как там с проектом Волохова? – спросила Ася, когда они остались одни. – Николай Константинович считает, что ему лучше самому представлять проект. Что там Лева может объяснить? Он ведь постоянно думает не о том. Я же вижу.

– А ты, Асенька, не волнуйся, – ответил Вадик, – все твое, как говорится, приплывет само – в Реке Времени. Но если хочешь, я дам тебе телефоны, пусть Николай Константинович сам звонит и встречается с кем надо. Я даже словечко шепну за него.

Ася от изумления потупила глаза. Николай уже давно просил ее добыть нужные контакты, потому что процесс затягивался, и доверие к Леве падало. Казалось, что Хоменко что-то выгадывает, ведь он не раз говорил, что все эти изобретатели сами сделать ничего не могут, а

когда речь идет о процентах, начинают жмотничать: двадцать процентов – не больше, а Волохову и двадцати жалко. «Слишком много о себе мнит», – сказал однажды про него Хоменко. То, что успех проекта зависит от многих людей, иногда даже не вникающих в его суть, вполне понятно. Хоменко ведь не один тут хлопочет, надо делиться.

Вот в этом-то и состояла задача – делить, как любил повторять Лев Сергеевич, шкуру неубитого медведя, выкидывая посредников, чтобы в результате получить немного больше, чем от мертвого осла уши. И это было естественно и в ногу со временем. Подтверждением тому был очередной визит Марка Соломоновича Фриша. Выходя из кабинета Хоменко, возбужденный Фриш чуть не сшиб Асю своей грузной фигурой. Застегивая на ходу пухлый портфель, он бормотал себе под нос: «Какой тут гешефт...». Следом вышел Лев Сергеевич в рубашке, расстегнутой на несколько пуговиц, и направился в ванную для омовений, чтобы нейтрализовать наведенные поля. Видно, битва была горячая.

Вид из окна

На следующий день Вадик ушел рано, потом кто-то позвонил Приветову, он быстро собрался и убежал. Только Ася сидела за работой, да Лева в своем кабинете вел длинные разговоры по телефону. Волохов пришел около четырех и попросил Асю переделать несколько страниц. Зашла бухгалтерша Людмила, и, окинув Асю с Николаем взглядом своих вечно печальных глаз, бесшумно просочилась в директорский кабинет. Она менялась только рядом с Левой, глядела на него с необычайным почтением и преданностью. Они очень быстро собрались, вышли из кабинета и направились к выходу.

– Может, дать вам ключи от квартирки? – ехидно бросил Хоменко в сторону Волохова.

– Спасибо. У нас много квартир, – отрезал Волохов и, после того как входная дверь с шумом захлопнулась, на мгновение обнял Асю за плечи.

Он всегда прикасался на мгновение, как будто боялся обжечься или, может, в такие моменты его осеняла какая-то важная мысль. На этот раз ему срочно понадобилось позвонить в Москву с Левиного телефона, и, спросив разрешение у Аси, он направился в директорский кабинет.

Ася прошла в комнату Приветова и уселась за длинным столом. «Шахматист, – думала она с досадой, – все ходы просчитывает». А кроме шахмат наверняка у него была в прошлой жизни специальность и работа; но никто не знал, откуда он взялся, словно материализовался из пространства. Широкая пропасть пролегла между жизнью прошлой и нынешней, словно границу перешли по паханому полю, и нет смысла оглядываться на свои следы – обратной дороги все равно не будет.

Закончив разговор с Москвой, Николай перешел в кабинет Приветова, прошелся по комнате и остановился у огромного окна с французским балконом. Солнце уже зашло, но свет не зажигали. Окно в сумерках было похоже на раму картины старых мастеров, на которой в закатном мареве отпечатался античный мужской профиль. Серебряные пряди уже прорезали темные волосы, зачесанные на косой пробор. «Седина только придает ему обаяния», – подумала Ася, встала и тоже подошла к окну. Он обнял ее за плечи.

Вдруг полоса горизонта очистилась, и вечерняя заря блеснула пурпуром, заиграла в небе желтым и голубым, пролила полоску света на Дворцовую площадь.

– «Словно с неба нам подан знак», – вспомнила Ася строки Блока.

И тут посторонний механический звук нарушил тишину, они оба невольно вздрогнули, и Ася испуганно прошептала:

– Кто-то открывает входную дверь.

Они затаили дыхание, холодок прошел по коже. Но в следующий момент в прихожей послышалось знакомое шарканье, и через минуту в комнату ввалился Лева.

– А, вы еще здесь, голуби, – сказал он с усмешкой. – Вот забыл на столе папку с документами, – и важно добавил, – а мне с утра в правительство надо.

Проходя мимо на обратном пути, Хоменко заглянул снова и с умным видом проинструктировал:

– Дверь не забудьте запереть. Как следует, на все замки.

Ася растерянно смотрела на Волохова, ища поддержки, но в сумерках он не видел ее глаз. Он отстранился, лицо его стало холодным и невыразительным. Глядя куда-то в пространство, он рассуждал вслух:

– Хоменко мне что-то разонравился, он не будет нам помогать, и алчности в нем хоть отбавляй. Ты ведь это тоже чувствуешь; он, кстати, очень считается с твоим мнением. Ты умная женщина... и красивая.

Волохов уселся в кресло, – Ася ему нравилась, но от Аси его отвлекал вид из окна.

– За такой вид, – продолжал он свою мысль, не отрывая глаз от Дворцовой площади, где медленно и неуверенно зажигались фонари, как будто их задувало ветром, – люди скоро будут платить огромные деньги, а сейчас мало еще кто это понимает. Чем не бизнес-идея?

«Что ему нужно? – думала Ася, усевшись напротив него и копаясь в своей сумке. – Зачем надо было позориться в глазах Хоменко ради того, чтобы сидеть тут и обсуждать вид из окна». Она чувствовала себя разочарованной, голой на ветру: даже не дотронуться до руки, не сказать ей чего-то особенного.

– Вложение в эту недвижимость может принести большие барыши, – продолжал Волохов. – Кстати, я тут недавно встретил свою бывшую подружку, в таллиннской школе вместе учились. Обычная девчонка была, но очень удачно пристроилась в коммерции. Свой особняк – это показатель. Она всегда была целеустремленной, но замуж так и не вышла. Пригласила меня на чашку чая. Я зашел, интересно ведь, как ей удалось выйти в люди. Она мне накрыла чай и удалилась. Тоже, как йог, придя домой смывает с себя пыль. И что ты думаешь! Выходит из ванной комнаты и спрашивает, нет ли у меня желания принять душ. К чему бы это?

Ася задумалась на секунду, глядя в темноту окна: «Значит, он учился в Таллине, но не в этом дело. Какая же я все-таки дура». Она не могла понять, зачем он пришел и остался с ней наедине в этой комнате? Что это – самолюбование или, может быть, расчет? Она резко повернулась и холодно ответила:

– Наверное, ей не нравится сближаться с немытыми мужчинами.

– А что нельзя побеседовать с женщиной о делах?

– Можно. Но в меру. И обстановку выбирать надо. Пошли, уже совсем темно, – сказала она, стараясь не показывать своего раздражения. И полученную от Вадима схему записи на прием решила пока ему не давать.

Они вышли в коридор. Николай держал в руках Асино пальто, потом медленно накинул ей на плечи, терпеливо ожидая, пока она найдет рукава, приподнял меховой воротник. После спохватился:

– Ключи есть?

Процесс закрывания дверей прошел по форме, и они стали спускаться по узкой каменной лестнице. Волохов шел впереди, почти что боком, оглядываясь, как будто в любой момент был готов поймать Асю, если она вдруг оступится.

На улице таял снег после прошедшего недавно снегопада, образуя наледи, но на тротуаре была протоптана тропа, по которой можно было идти с минимальным риском поскользнуться, и Волохов все время поддерживал Асю, протягивая ей руку, словно готовясь поймать ее. Это была не ходьба, а нелепые балетные па на гололеде, где каждый шаг был наполнен особым смыслом. Она отстранялась и шла быстрее, но у следующего ледяного тороса он снова настигал удаляющуюся спутницу. Когда вышли на Невский проспект, она остановилась, измерила его строгим взглядом и взяла под руку. Его дурацкие выкрутасы и раздражали, и возбуждали жаждущую греха Асю.

Редкие крупные хлопья снега освежали лицо. Волохов крепко держал свою спутницу под руку, прижимая ее к себе. Сегодня он настроен был философски – сравнивал события на рубеже XX века и теперешние, вспоминал Государственную думу Российской империи (последний состав которой он знал чуть ли не поименно), помощь заграницы, крах экономики и НЭП. И, наконец, сделал вывод о том, что порядочных людей не только у нас, но и во всем мире – мало, потому что деньги и власть большое искушение.

– Ты любишь Невский? – заигрывал он с нахмурившейся Асей. – Вот посмотри вокруг: дворцы и красивые дома, их построили знатные и богатые люди.

Прищуриив глаза, Ася вглядывалась в перспективу, исчезающую размытыми желтыми пятнами фонарей в снежном тумане: Строгановский дворец, Башня Городской думы, дом Зин-

гера, и вдали, грациозным парфеноновским ритмом слегка подсвеченные колонны Аничкова дворца.

– Что они там себе пили, ели, в каретах ездили или даже что украли – все это ерунда, – продолжал Волохов, – они создавали! Память осталась на века и польза тоже – для всех. Деньги должны попадать в правильные руки. Народ, говоришь. Народовольцы убили царя реформатора, который крестьян освободил – вот где народ, это просто толпа, которую ведут горлопаны. Как и нынче. А неуправляемая толпа – это страшная разрушительная сила.

«И правда, – думала Ася, – все это создано людьми, которые когда-то делали карьеру, блистали красотой или умом, стрелялись на дуэлях или шли на войну, были жестокими и нечестными или справедливыми и милосердными. И создано не толпой, а сильной рукой. До сих пор здесь витает дух и творцов, и мастеровых. Мы постоянно их вспоминаем, как в старом замке молодые бестолковые наследники вспоминают великих предков. Городские перспективы с дворцами и домами принадлежат именно им, давно ушедшим, а мы здесь только прохожие».

От архитектуры Волохов плавно перешел к современному поколению – насколько нынешние мельче прежних. Теперь все на продажу, каждому дому назначена цена, «белая» и «черная», и руки загребущие тянутся. Ася его не перебивала. Но когда дело дошло до масонов, которые управляют миром, она спросила:

– И в правительстве тоже масоны?

– Про одного олигарха я точно знаю, – ушел от прямого ответа Волохов, – они, кстати, своим помогают. Может, мне тоже вступить в масонскую ложу? – он заигрывал с ней, и вдруг добавил, – в ЛДПР я уже вступил. Но толку, правда, пока никакого, одни разговоры.

Ася вопросительно покосилась на него – дурачит ее, или на самом деле? Хотя теперь все возможно.

– Видишь ли, – философствовал Волохов, – все, что происходит, несомненно, революционный процесс, а такие процессы сами собой не возникают. Наполеон был окружен масонами, может, и сам входил в ложу. Керенский, всем известно, был членом масонской логи. А новый президент, а олигархи? Если да, то какой? Вольными каменщиками тут не пахнет, не во Францию они ездят за инструкциями.

Они дошли до Литейного проспекта и повернули, чтобы зайти в «Старую книгу». Знакомый продавец их приветствовал и через пару минут вынес завернутую в крафт-бумагу стопку книг.

– Это что? – спросила Ася, – дай посмотреть.

Волохов моментально сгреб с прилавка свой сверток и, как бы шутя, сказал:

– Это не для женского чтива.

Сделал вид, что спешит, и попрощался с продавцом. Вот и гадай, кто он, библиофил Волохов, – читатель или перекупщик?

– Я совсем забыл, – говорил он Асе, выпроваживая ее из магазина, – я сегодня должен позвонить одному очень важному человеку, он помог мне получить землю практически в черте города и рядом с озером. Сейчас я занимаюсь оформлением участка. И знаешь, благодаря связям земля мне обошлась в несколько раз дешевле ее реальной стоимости, закончил он с гордостью.

– Ты будешь дом строить? – спросила Ася с невнятной надеждой.

– Я себе этого пока не могу позволить, – он опустил глаза. – Это все для Олиной дочки, она с малышкой будет жить на воздухе. Нынче вообще модно жить за городом, у нее муж достаточно обеспеченный.

Ася совсем растерялась. То он стремится к ней, то отталкивает, вовлекая в свои житейские проблемы и перечеркивая этим их романтические отношения. Она же ему не близкий друг и не любящая мать, которая должна все прощать. А кто? Да кем бы она ни была, – нельзя смешивать отношения с двумя женщинами, тем более делать их совсем прозрачными. И еще ей

показалось, что он гордится обеспеченными родственниками. Нисколько не смутился и даже пожаловался Асе, что «она», как всегда, всем недовольна, и дома каждый день скандалы. Как мужчины бывают бестактны! «Она» – это, конечно, Ольга, соседка, которая наверняка считает себя его женой. И не без оснований. И врет он все про скандалы, наоборот – старается ей угодить и выслуживается. Интересно, насколько он зависит от нее?

Еще хотелось спросить, спит ли он с соседкой. Но ответ напрашивался сам собой. А причем тут Ася? А она вовсе и не рассчитывает на чужого мужа. Ей просто нужен попутчик, чтобы чувствовать твердую руку (при всей этой слякотной погоде) и идти, пусть даже в никуда, только не думать о том, как все катится в тартарары. Потому что сил больше нет смотреть телевизор и слушать Сережу о разделе завода.

Они расстались, как обычно, в метро; но не успела Ася войти в квартиру, как позвонил телефон. Нет, это был не Волохов со своими вечерними серенадами, а разъяренный Фриш.

– Обманщик! – поставил он клеймо на Николае. – Что Хоменко, что Волохов, ни с кем нельзя иметь дело. Будь осторожна, нынче люди измельчали, продадут за здоро́во живешь. И все ради денег.

Говорил он сбивчиво и раздраженно, судя по всему, они слевой крепко поссорились, и Марк Соломонович переживал за судьбу проекта, который до сих пор считал своим.

– Скажи мне, – продолжал он кипятиться, – Хоменко что, евангелист или баптист? И зачем только этого проходимца взяли на место убитого эколога. Ты понимаешь, что ему *такие* связи задаром дали! – сказал он с ударением и завистью.

Ася просто опешила. Какого еще убитого эколога? Но по телефону спрашивать не стала.

– Нет, он другой, – ответила она растерянно, – они все в Индию ездят.

– А-а, значит, кришнаит вшивый, или какой-нибудь индийский сектант, одним словом прохвост и авантюрист, – кипятился Фриш.

«Бедный Марк Соломонович, – сочувствовала Ася, повесив трубку, – как он мог так прошляпить? И Лева, и Волохов его обошли».

Волохов, нефть и галоши

Спасибо Фришу за предупреждение, Ася и сама догадывалась, что Волохов не прост. А кто сейчас прост? Всех перемолола мясорубка перестройки, не изменились разве что дворники и управдомы. А Волохов человек интеллигентный, хотя и со странностями, но уличить его в чем-то плохом, кроме телефонных разговоров с Москвой за хоменковский счет, она не могла. Но это такая мелочь, и говорил-то он кратко, так кратко, что понять было ничего невозможно. Контора от этого не обеднеет. Зато приходил каждый день, и ей это было приятно.

Сам Волохов рассказать Асе свою историю пока не мог, слишком много разных обстоятельств перепуталось в одном клубке за последние годы, и теперь даже ему самому уже было не разобрать, за какую ниточку надо тянуть, а она, Ася, наверняка истолкует все неверно. Да и как это можно объяснить? Он – потомок старинного рода, грамотный полевой инженер и гроссмейстер международного класса, оказался никому не нужным; мало того, он теперь в общей толпе с несчастными, лишившимися работы и сбережений, рядом с проходимцами и тронувшимися умом от всего происходящего.

И в этой «суматохе явлений» пришлось искать новые связи и новых полезных людей через бесконечную череду ненужных знакомств, совершая нелогичные поступки, а иногда и кривя душой. Именно так он нашел свой проект по сорбентам. Вначале это была только невнятная идея, которую он просчитал в разных вариантах и понял – выгода налицо. Но на начальной стадии необходимо было вкладываться и трудом, и деньгами, которые еще предстояло где-то найти.

Он методично обзванивал старых знакомых по шахматному клубу, по старой работе, искал подходы к инвесторам. И хотя все придуманные схемы рушились, как карточные домики, он не опускал рук. Приходилось подрабатывать, то с букинистами, то в каких-то контрактах по бурению скважин на воду в области. Вся эта мелочь отнимала драгоценное время, а заработанные гроши обесценивались катастрофически. Спасал его аналитический ум, который накапливал и перерабатывал информацию, а потом строил на невидимом планшете самый короткий путь к успеху.

А самым коротким путем была – нефть.

И у Волохова были все основания пристроиться к нефтяным делам. Он окончил геологический факультет и работал некоторое время гидрологом на нефтяных месторождениях. Так что в нефтянке он разбирался, знал и свойства нефти, и способы добычи, что могло очень пригодиться при заключении контрактов с границей.

Наконец ему удалось зацепиться за нужную ниточку. Она вела в Москву к преуспевающим физикам, не в смысле научных достижений, а потому что им посчастливилось попасть в нефтянку. Они лихо лавировали между продавцами и покупателями и заключали контракты, прилично зарабатывая на посредничестве. Поначалу они не гнушались советов Волохова, и он даже решил, что тут его трудолюбие и способность удерживать в голове многоходовые комбинации могут пригодиться, даже стал изучать торговые традиции, фьючерсы и контракты.

Но напрасно – ковчег Ноя не резиновый.

Его московских друзей интересовал Петербург и... шахматы. Они хотели знать все о северной столице: кто и с кем, когда и что замышлял, на какие деньги что купили и что продали, а главное – что еще не успели поделить. И, конечно, городские сплетни, без которых картина происходящего в городе была бы неполной. За информацию они иногда платили, но по большей части обещаниями. Хотя посылали пару раз в арабские страны – играть в шахматы с шейхами. Денег почти не дали, зато купили дорогой костюм и фирменную дубленку.

В одной из поездок Волохова вдруг осенило. Везде у входа в мечети он видел огромное количество галош, поскольку Коран запрещает входить в храм в обуви. Но то, что галоши до

сих пор востребованы в российской деревне, особенно галоши с уютной фланелевой прокладкой, которые тоже носят на босу ногу (даже зимой), там не ведали. Пришлось рассказать про некогда невероятную популярность галош в городах – и про галоши под каблук, и про то, как в сырую погоду даже в театр надевали галоши. Когда арабских шейхов удалось убедить, что Россия – родина галош, «процесс пошел», но шел он как-то вяло. И тогда на очередной шахматный турнир с шейхами Волохов привез лучшие образцы отечественной продукции. Лакированные галоши с красной байкой внутри понравились. Оставалось только договориться с заводом и сладить контракт.

Некогда созданный немцами завод резинотехнических изделий медленно угасал, можно сказать, корчился в предсмертных муках, люди сидели без зарплаты, поэтому договориться было нетрудно. Проблема была в другом: для запуска соответствующих моделей нужны были вложения. И Волохов решил привлечь москвичей в эту беспроигрышную сделку. Но баловни судьбы как-то презрительно отозвались об участии в «галошах». Спасенные Ноем, они и так обрели благодать, пристав к Араратским высотам.

Тогда Волохов решил действовать самостоятельно. К этому моменту у него было два нужных знакомства – брокер на одной частной бирже, где он при благоприятных обстоятельствах покупал доллары, и банкир – родственник семейства его замужней сестры, довольно интеллигентный и приятный человек. К нему-то Волохов и решил обратиться в первую очередь. Как ни странно, но галоши банкира заинтересовали.

– Совсем как у Чуковского, – пошутил добродушный банкир, – «Мой милый, хороший, пришли мне калоши, и мне, и жене, и Тотоше».

Кредит нашелся быстро. Так они с банкиром стали партнерами. Пару месяцев согласовывали материал подкладки, форму задника и отдельно женские галоши с узким носком. Наконец была заказана большая партия лакированных галош с графитным задником, чтобы с ноги легко соскальзывали. Галоши заказчику нравились, и постепенно контракт прирос разными дополнениями. Заказчик денег не жалел, а завод за свою продукцию много не требовал, поэтому маржа оказалась довольно приличной.

Предприимчивый банкир, с которым Волохов за время сделки сдружился, ловко разруливал финансовые потоки, направляя их через офшоры, придумывал серые схемы для ухода от налогов, а главное, – ввиду высокой инфляции – он предложил большую часть выручки не засвечивать, а оставить валюту на зарубежных счетах. Волохов согласился с предложением своего партнера и взял себе только сумму, необходимую для подготовки проекта, а долларовую часть они перевели в Испанию, где жила семья банкира, – на его личный счет. Волохов вполне одобрял эту схему.

И все это было надежно, если бы позже не возник ряд непредвиденных обстоятельств.

Надо брать муку

Недавний звонок Фриша засел у Аси в голове, но тащиться к нему в котельную, чтобы выслушать обиды на неблагодарного Волохова, перешедшего в стан противника, не хотелось. Лучше подождать пока он остынет. А про эколога можно и Вадика спросить. Только с чего начать?

Вот и Вадик явился (сегодня с опозданием), заглянул в директорский кабинет и лично убедился, что кабинет пуст. Лева отбыл паломничать в Индию на две недели – это означало, что теперь Вадик будет за главного в конторе. Он присел рядом с Асей под оливковым деревом и добродушно спросил:

– Как наши дела, Асенька?

– Вадик, а за что убили эколога? – немного помявшись, выпалила Ася.

– О ком ты? – оторопел Вадик. – Кого еще убили?

– Ну как же... этого эколога, нашего, как его... – на ее лице было написано, что не отступится.

– Ты имеешь в виду основателя «Эко-Про»?

– Ну, конечно, создателя конторы, – подтвердила Ася и жестами, и взглядом, требуя ответа.

– Ученых не убивают, кому они сейчас нужны, он сам, наверное, умер, – ответил Вадик с дежурной улыбкой.

– Нет, убили, – настаивала Ася

– Этого не знает никто, – он соображал на ходу, как лучше уйти от темы. – Понимаешь, я думаю, что ему лучше было заниматься своей наукой, а не принимать решения, куда направлять денежные потоки, какие производства спасать, и все такое прочее. Ты сама знаешь, что сейчас главное – это рушить все старое. Рушить – чтобы потом построить новое, современное. Как японцы после Хиросимы, как немцы после войны. Да и есть люди, которые не любят, чтобы в их сферу вмешивались. И, кроме всего прочего, надо понимать, что на экологических программах сидят и другие организации.

Ася задумалась, причем тут какие-то японцы? Значит, действительно убили, и весьма вероятно, что эколог был порядочным человеком, раз пытался спасти производство.

– Люди, которые не любят, чтобы вмешивались, – она прищурила глаза, пытая Вадика, – это всякие там «крыши» и бандиты, которые родину готовы продать за сто долларов. Так ведь?

– О чем ты говоришь, Асенька? Родина – это всего лишь место, где ты родился, это слово сейчас не в моде. Мы теперь люди мира, где захочешь, там и живи. Пойдем, лучше чайку попьем, Лева оставил печенье курабье, – отвечал Вадик, вернувшись в свое обычное благодушное состояние, и добавил, – любопытство не порок, но в наше время оно может оказаться смертельно опасным.

На счет родины Ася решила с ним не спорить; может, йогам не положено ее иметь, они ведь живут в вымышленном мире духа. Но от этого еще больше захотелось позлить Вадика, пусть, наконец, приземлится.

– Сначала скажи мне, чья это квартира, – упорствовала она, – квартира принадлежала экологу? Или кому-то другому? Если на зарплату денег не хватает, то снимать такие хоромы просто безнравственно. Значит, ее не снимают?

Вадик не любил, когда его выводят из транса, в котором он постоянно возносил благодарность миру, и за эту благодарность, как ему казалось, откуда-то «оттуда» посылали кусок хлеба, спокойствие, а временами и довольно приличные бонусы.

– Нет, – он поморщился, как будто ему на ногу наступили, – последнее время она принадлежала какому-то банкиру, но он, говорят, умер.

- Сам умер? – Ася вытаращила на него глаза.
- Ну конечно, сам, – пытался отвязаться от нее Вадик.
- Что же это такое? Все мрут сами, как сговорились.

Наверняка и банкира тоже грохнули. Ася деловито уставилась в свой компьютер, все ясно – вместо эколога нашли удобоваримого Леву, который умеет дружить с кем надо и не задает лишних вопросов. Но у банкира ведь должны быть родственники со всеми вытекающими правами наследования. И где они?

Если подумать, то с самого начала было ощущение, что здесь чего-то недоговаривают, но обещанная зарплата в пять-шесть тысяч долларов вполне могла бы отвлечь от лишних размышлений. Хорошо бы расспросить про весь этот бедлам у Волохова, он наверняка навел справки про Леву. Но Николай уже три дня как не появлялся и даже не звонил. А жаль, потому что в квартире на Мойке без Левы и Волохова стало неуютно и пусто. Их подчеркнуто вежливое противостояние создавало привычную для Аси атмосферу, сродни той, которая возникала в предметных спорах враждующих профессоров на ученом совете.

– Да бог с ними со всеми, – махнула рукой Ася на бесполезный разговор и обратилась к Вадиму, – в данный конкретный момент меня больше всего интересует, когда ты нам деньги выдашь.

Услышав разговор про деньги, незаметно подошел Приветов, и вдруг все почувствовали, что в аморфном воздухе притаились досада и разочарование. Ведь отбывший в Индию толстячок Хоменко не оставил им зарплату за декабрь. Полный мрак.

Из кабинета Приветова медленно выплыла Ирина Дубовская. Она уже несколько дней появлялась в «Эко-Про» и обычно сидела рядом с Аркадием в гостевом кресле, размышляя, чем бы заняться. Обстановка ей благоприятствовала. Мягкий, плюшевый Вадик обычно говорил ей комплименты, а сдержанный Аркадий одаривал ее многозначительными взглядами, то ли в связи с ее рассказами о подвигах на торговом фронте, то ли по какому иному поводу – но все равно приятно. Закаленная в торговых сделках Ирина, как притаившийся хищник, кожей почувствовала создавшуюся ситуацию. Но действовать она не спешила. Сначала она оценила свое положение в коллективе (иерархия была для нее важна) и пришла к выводу о том, что она тут одна является специалистом в своем деле. Она обвела присутствующих оценивающим взглядом и, ухмыльнувшись, удалилась.

Из кухни потянуло запахом кофе, почти забытый аромат свежемолотой арабики – прямо из Эфиопии. Этот божественный напиток, конечно, принесла Ирина, и теперь она стояла у плиты с полной туркой и с таким видом, как будто спасти предновогоднее настроение и праздничный стол обитателей конторы по силам только ей. Когда на запах кофе в кухне собрались все, Вадик разлил содержимое турки по чашкам и поставил на плиту еще одну порцию. Ирина оглядела публику с высоты своего коммерческого авторитета и с пафосом сообщила:

– Мука. Буду брать муку. У меня есть связи – дадут в кредит, а мы с пекарен потребуем предоплату.

Все уставились на нее, забыв про кофе.

– Пару-тройку вагонов, – добавила она, рассчитывая на реакцию.

Приветов на момент ошеломлен, сглотнул слюну и отпил кофе из чашки, оставив мизинчик. Вадик, который был убежден, что удача рано или поздно приплывет в Реку Времени, расплылся в дурацкой улыбке. Ася опустила веки и с удовольствием вдохнула аромат арабики.

Приняв кардинальное решение, Ирина расслабилась. Когда мужчины ушли, она, допивая кофе и играя хитрыми глазками, перешла к обсуждению мужской половины конторы. Сначала они с Асей обсудили посетителей, потом перешли на сотрудников «Эко-Про», и первоначальная напряженность, которая часто возникает между двумя женщинами, оказавшимися в мужском коллективе, исчезла.

Без всяких предисловий Ирина спросила Асю:

– А что у тебя с Волоховым?

– Это так... Я просто помогаю ему с проектом, – прозаикалась Ася.

Ирина усмехнулась,

– Ну-ну, посмотрим, как я говорю.

У нее была привычка заканчивать свои высказывания словами «как я говорю», она их ставила даже после пословиц и поговорок. Речь Ирины изобиловала просторечными оборотами, но это ее не портило, а иногда даже придавало некую пикантность.

Ничто так не сближает женщин, как сплетни и романы. Но Ирина не любила засиживаться на кухне. Вставая с кухонного дивана, она обычно говорила: «У меня не столько денег, чтобы я теряла время даром, как я говорю».

– А ты не знаешь, Приветов женат? – спросила она уже на ходу. – Он интересный мужчина, хотя это не имеет значения.

– Вроде был женат, у него взрослая дочь, но все покрыто мраком, – ответила ей Ася, и отметила про себя, что женщина, которая так тщательно следит за собой, наверняка не прочь пофлиртовать.

Асе хотелось подружиться с Ириной. В ней была целеустремленность и преданность своему делу. В научной среде, которую Ася все время вспоминала, эти качества ценились высоко, и их обладатели, как правило, добивались успеха. Но в отличие от большинства ученых Ирина умела спокойно проигрывать – на истерики и невроты у нее просто не было времени.

«Хорошо бы в этом паноптикуме иметь такого союзника», – вздохнула Ася вслед уходящей Ирины.

Ася шла домой в приподнятом настроении. Город улыбался растяжками новогодних гирлянд, а в голове крутилась только одна мысль: как повезло! Три вагона муки! Деньги-то какие. Наконец случилась удача, а все эти дела: кто кого убил и чью квартиру заняли, в общем-то, не ее забота. Сейчас убивают направо и налево, и не поймешь за что. Если хочешь выжить, лучше абстрагироваться от внешнего мира, уйти в себя.

По дороге она зашла в «Север» и взяла небольшой фруктовый торт. Надо заглянуть к Ленке. Как она там, бедолага? В прошлой жизни Ленка была специалистом по палеоклимату, и они дружили семьями. Умная и добрая, она когда-то была непотопляемой оптимисткой, а теперь... – как страшно теперь.

Ленка с мужем сидели на кухне в сигаретном дыму, и это было плохим знаком. Скорее всего, давно не было известий с Чеченской войны от их сына.

– Как вы? – осторожно спросила Ася и протянула торт, – к чаю купила.

Она знала, что отвлечь Ленку от грустных мыслей – дело нелегкое. Воспоминания о прошлой благополучной жизни не помогут, иногда бывает легче переключиться на сострадание другим. И она стала рассказывать про сотрудницу их института, которая торгует у метро морковкой и творожными сырками, потом про свою дочь Сонечку, которая уезжает в Испанию и, может, уже никогда не вернется; потом про Сережу с его частыми выпивками – ведь спивается, медленно, но верно. Но все было невпопад. Ленка глядела как истукан и мыслями была очень далеко. Ее меланхолия неотвратимо переходила в невротическое расстройство. И помочь ей было невозможно.

– У меня сегодня смена, – сказала подруга.

Ленка работала в бане, недавно выстроенной на деньги крутого спонсора. Это был ее дом забвения. Основные чаевые приходились на ночные смены, когда подъезжали братки на джипах. Здесь, в угарной атмосфере, ночной администратор Ленка проводила свои бессонные ночи, полностью отключившись от внешнего мира. Ночные дежурства спасали от бессонницы. А когда силы ее покидали, то прежде чем провалиться в сон, она с блаженной улыбкой визуа-

лизировала автомобиль, который обязательно купит своему ненаглядному мальчику, когда он вернется живым с этой ужасной войны.

До дома уставшая Ася добрела поздно. Все уже давно отужинали и утомонились по своим комнатам. Она расположилась на кухне, сгребла со сковороды остатки жареной картошки, намазала толстым слоем маргарина ломоть хлеба, вытащила из холодильника открытую банку варенья и заварила в кружке чай. Только она успела расслабиться, приступив к трапезе, раздался телефонный звонок; пришлось встать и притащить в кухню аппарат на длинном проводе. Это, конечно, был Волохов.

Он как будто извинялся за временное отсутствие, делая вид, что был очень занят проектом, и вдруг в нем что-то сломалось, и он стал жаловаться на соседку, которая затеяла ремонт ванной комнаты с присоединением к ней кладовок.

– Представляешь, заставляет меня долбить стены и выносить мусор. Или давай ей деньги на рабочих. А у меня сейчас главное – проект. Только проект сделает меня свободным.

Ася знала, что Волохов не из тех, кто позволяет глумиться над собой, он и сам старается не обижать людей. Но в данном конкретном случае он брал ее на жалость, подчеркивая свое угнетенное положение. «Значит, зависит от своей стервы», – сделала она вывод.

– Никакой поддержки, – говорил Николай, – у нее в голове только сальдо с бульдо, и все разговоры только о том, кто что купил.

Ася представила эту квартиру с высокими потолками и просторной ванной комнатой, сверкающей испанским узорчатым кафелем.

– Конечно, если раздолбить стены двух кладовок, то мусору не оберешься, – равнодушно ответила она.

Ну зачем ей мужчина, которого гнобит соседка? Еще непонятно, чего ради он терпит издевательства и сколько каждый из них вложил в эту квартиру. Слишком все неопределенно. А вдруг он сидит на шее у соседки? Стараясь показать свое разочарование, Ася холодно продиктовала полученные от Вадима Котова телефоны чиновников и, не дожидаясь «спасибо», повесила трубку.

И хотя ей не было никакого дела до Волохова, она считала себя преданной и оскорбленной.

Сделка

Началась работа. Самой важной персоной в коллективе стала Ирина, она всем дала поручения, назначила Приветова своим помощником, объяснила про товарную муку, бункерные вагоны и возможные потери. Вадик должен был отслеживать дату отгрузки и путь груза. Ступая почти неслышно по паркету, чтобы не спугнуть удачу, он уже не скрывал своей радости. Ася по-прежнему работала с Аркадием, который всю информацию по возможным сделкам скидывал ей на компьютер. От предвкушения приличного заработка в квартире на Мойке воцарилась атмосфера подъема. Операцию планировали тщательно, ведь муку надо было реализовать за пару дней, практически с колес, поэтому иногда засиживались до глубокого вечера. Домой новая начальница не спешила, с мужем она разошлась, а любовника, из-за которого разрушилась семейная жизнь, переманила другая – толстая, но очень богатая женщина.

На следующий день Ася пришла на работу позже всех. В квартире на Мойке чувствовался подъем – вагоны с мукой были уже в пути. На столе Хоменко, где теперь председательствовал Вадик Котов, лежал счет с отсрочкой платежа на неделю, но за перевозку необходимо было заплатить. В крайнем случае, если Ирине удастся договориться, можно было выставить гарантийное письмо с печатью.

И тут неожиданно-негаданно всплыли непредвиденные обстоятельства, препятствующие проведению сделки: хранитель ключей от сейфа, то есть сам Вадик, только что обнаружил, что печать и банковская книжка были заперты во внутреннем сейфе, от которого Лева не оставил ключей. Вадик, как последний двоечник, беспомощно хлопал глазами, не понимая, как это можно было так прошляпить. В кабинете крутился и привлеченный к сделке Гриша Злобин, который уже нашел несколько клиентов с предоплатой. Гриша негодовал, поминая Хоменко недобрыми словами. Приветов поддакивал, вздыхая и переминаясь с ноги на ногу. Вот какое испытание уготовил им шеф – не только оставил без зарплаты к новому году, но и отрезал возможность заработать. И вдруг наступила тишина, присутствующих пронзила одна и та же мысль: «Неужели Лева сделал это нарочно?»

Все взоры обратились к Ирине. Кутаясь в огромный шарф, она глядела на Вадика без эмоций, без обиды и осуждения, даже как-то снисходительно, как будто таких растяп она встречала каждый день, или как минимум раз в неделю. Потом направилась к Левиному креслу, которое попавший впросак Вадик уступил безоговорочно, сняла трубку и первым делом нашла, кому пристроить вагоны с мукой. Ее, конечно, благодарили и спрашивали, что она за это хочет, но она отмахивалась – отдала просто так, друзья тоже нужны. Все стояли, оцепенев, ловя каждое ее движение и наматывая на ус каждое ее слово. И опять все думали одинаково: «Если она может вот так заправлять, зачем она пришла сюда?» Первым очнулся Приветов. Он слегка прокашлялся и как бы невзначай спросил.

– Может, за наличку что-нибудь прокрутим'с?

– Может, прокрутим'с, – ответила Ирина, поведя глазами в угол, на нос и на Приветова.

Первым делом она вытащила зеркальце и подкрасила слегка обветренные губы, потом сняла трубку и снова начала обзвон. Уже через полчаса выяснилось, что в город завезли мало шампанского.

– Будем брать шампанское, перед новым годом уйдет влет, – сказала она, – только времени уже нет, ищите наличные, а я найду пару машин.

Пара машин – это, конечно, не три вагона, но на безрыбье и рак рыба. Ася молчала, минутный всплеск ненависти к Лева и отчаяние от того, что на новый год она может остаться без копейки, сменились надеждой. Если повезет с шампанским, то она пройдет по магазинам и купит себе большой шарф, а еще продуктов на все новогодние праздники. А, может, и часть долга по квартплате погасит.

В комнате наступило оживление: обсуждали, где взять наличные, без предоплаты шампанское не давали. И тут вспомнили про Фриша. Марк Соломонович был зол на Леву, и уж он-то наверняка поможет таким же обманутым Левой, да и сам заработает немного.

– Асенька, он тебя любит. Звони Фришу, – уговаривал Вадик.

Очнувшись от своих мыслей и вздохнув, Ася взяла трубку. Номер Фриша любезный Вадик уже набрал. Она объяснила, что деньги нужны всего дня на два, на три – на шампанское, которое сейчас в дефиците и уйдет влет. Фриш после детального выяснения обстоятельств, кряхтя и бурча, в конце концов, согласился, но с условием, что свою прибыль он возьмет натуры.

Вадик отвез Асю к Фришу. Ася оставила его ждать в машине и направилась в подвал. Когда касалось денег, Марк Соломонович становился недоверчивым и суетливым. Тем не менее, он не преминул вспомнить Волохова:

– Он сам пошел по инстанциям, – бурчал Фриш, – мне докладывали, будто шляется в областном правительстве. Где-то раздобыл связи, может, через новую жену. Когда я брал его с проектом, он изображал из себя цуцика – мол, все рухнуло, и семья, и шахматный клуб, и денег на проект нету. А оказывается, он живет на Петроградской стороне в старом доме с видом на Неву, – ерничал он. – Его новая жена в суде работает.

– Бухгалтером, – раздраженно сказала Ася.

– В арбитраже, – многозначительно поднял свои густые брови Фриш, – там международные дела проходят. Это она ему гешефт обеспечивает.

Ася опустила глаза, о ее дружбе с Николаем Фришу пока не донесли. Но главное не это, выходит, что телефоны, которые она вчера сообщила Волохову, были не единственным ключиком для открывания дверей.

– Ты тоже хороша, – не мог унять свое раздражение Фриш, – что, Лева тебе хорошо платит?

– Нет, – отвечала Ася, вздохнув, – очень мало.

– А с чего ему платить, – тряс головой Фриш, – история темная. Ты не знаешь, кто водружил его на эту должность?

– Нет, – ответила Ася.

– А через него прошла не одна сотня проектов. Тут собираешь по крохам, а ему нате, прямо в руки.

Фриш был на взводе, возможно, у него шла опасная сделка или его расстроили многочисленные домочадцы. На всякий случай Ася решила в диалог не вступать и не спрашивать ни про убиенного эколога, ни про банкира.

Наконец, Марк Соломонович успокоился. Повертел ключом в замке сейфа и вынул ключ. Приготовленную пачку денег он достал из стола.

– Вот, пересчитывай.

Почесав свои жиденькие седые кудри, он развел руками и тяжело вздохнул.

– Пиши кабалу, эту... расписку, как говорится.

«Расписка» – это было страшное слово. Из-за этих расписок люди лишались имущества, пропадали или вовсе гибли. Бандиты охотились за расписками, как за ценными бумагами, которые приносили хороший доход. И хотя Ася знала много таких случаев, она была спокойна. С одной стороны, Ирина – опытный профессионал, а с другой, – Фришу и в голову не придет продать ее расписку.

Кредит, полученный от Фриша, сразу пошел в дело. За пару дней шампанское развезли по магазинам и заинтересованным лицам. На третий день Ирина выдала Вадиму сумму для погашения долга и несколько ящиков шампанского для Марка Соломоновича. Деньги сотруднику обещала привезти на следующий день.

Эта маленькая победа сразу подняла настроение в конторе – теперь у всех будет новый год. А посему решили устроить чаепитие. «Со спиртными напитками», – добавил Приветов.

Надежда на перемены

Осень мучительно переходила в зиму, меняла летнюю шерсть, пыталась обрасти густым серебристым мехом, но грязные слякотные проплешины садились лишаями на только что выпавший снег и портили всю картину. Ася брела на работу без энтузиазма, ее раздражали проносящиеся мимо машины и троллейбусы, которые нагло расплескивали грязь на прохожих. Она боялась промочить сапоги, заболеть насморком, а больше всего она боялась безденежья. Левин финт с ключом от сейфа не выходил из головы и казался дурным предзнаменованием; если он так поступил, значит, не дорожит коллективом, может всех разогнать запросто. И что тогда? Снова борьба за существование. А они с Сережей уже столько лет ничего толкового не покупали – постельное белье изношено, кухонная мебель обшарпана, а одежда обновляется на дешевых рынках у метро и только в случаях крайней необходимости. Собственно, все как у всех.

Наконец, воплотился великий принцип социализма – стерлась грань между колхозниками, рабочими и интеллигенцией.

Ковыряться с проектами Асе совсем не хотелось, но Ирина обещала подъехать в течение дня и выдать деньги согласно составленному ее рукой списку. В предвкушении этой маленькой радости в квартире повисло ожидание, стекающее со всех полок аморфными часами, как на картине Дали. А пока все слушали Гришу, который с максимальной выгодой пристроил значительную часть шампанского, пользуясь связями мебельного магазина. И, как положено в дружном коллективе, думали все об одном и том же – как Ирина поделит прибыль.

– Магазинов элитной мебели в городе, – развлекал всех разговорами Гриша, – не так много, а спрос на дорогую мебель все время растет, тем более теперь, когда появились новые русские. Но не эти, в красных пиджаках, а по-настоящему богатые и со вкусом. Ну, вы меня понимаете.

– Конечно, – вторила ему Ася, – те, которые сумели замести следы своих деяний и даже заняли приличные должности, словно просеялись в рай из «Страшного суда» Иеронима Босха. Негоже им походить на тех других из преисподней.

Вадик улыбался, глядя на Асю, а Гриша продолжал.

– Поэтому мебель заказываем из Италии, Германии и Финляндии, и клиенты, имена которых не разглашаются, на комиссионные не скупятся.

Разговор прервала запыхавшаяся после подъема по лестнице Ирина, она вошла в кабинет Приветова прямо в пальто. Поздравила всех с «наступающим» и раздала увесистые конверты с наличными (средняя зарплата в то время уже приближалась к миллиону). Удалилась она также внезапно, как и появилась, сказав, что внизу ее ждет машина. В комнате воцарилась тишина. Сотрудники приоткрыли конверты и, судя по выражению лиц, остались довольны. Никто не обсуждал полученные суммы – раздача вознаграждения в конвертах, принятая практически повсеместно, подразумевала неразглашение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.